

С. А. Шавель

ОБЩЕСТВЕННАЯ МИССИЯ СОЦИОЛОГИИ

Сергей Шавель

Общественная миссия социологии

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2010

Шавель С. А.

Общественная миссия социологии / С. А. Шавель —
«Издательский дом “Белорусская наука”», 2010

В монографии представлены результаты социологических исследований широкого круга социальных проблем развития современного белорусского общества, проведенных автором в течение многих лет. Читатели знакомы с некоторыми из них по публикациям в журнале «Социология». Лейтмотивом монографии является идея согласованности взаимных ожиданий всех активных просоциально настроенных субъектов общественной жизни на основе доверия, солидарности и толерантности. Большое внимание уделено методологии социологических исследований, роли социологии в белорусском обществе. Адресована социологам-исследователям, студентам и аспирантам социогуманитарного профиля, специалистам социальной сферы, маркетологам и управленцам, идеологическим работникам, всем, кто хотел бы использовать социологические данные для понимания и прогнозирования динамики общества, для разрешения конфликтных ситуаций и принятия обоснованных решений с учетом обратной связи с населением.

© Шавель С. А., 2010

© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2010

Содержание

К читателю	6
Предисловие	9
Введение	11
Глава 1	14
1.1. высокая общественная миссия социологической науки	14
1.2. Vox populi, vox dei (о реальности общественного мнения)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Александрович Шавель

Общественная миссия социологии

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор А. А. Раков, доктор экономических наук, профессор А. В. Рубанов

Издание подготовлено при содействии Аналитического центра ЕсооМ

К читателю

Мне давно хотелось написать о Сергее Александровиче Шавеле – ученом и человеке, которого многие искренне уважают и называют своим учителем. В канун юбилея – 70-летия со дня рождения я счастлив представить читателю новую книгу известного белорусского ученого, доктора социологических наук Сергея Александровича Шавеля.

Среди белорусских социологов С. А. Шавель – человек-легенда, как говорится, неформальный лидер. Безусловно, талантливый. Природа наделила его сполна и умом, и статью. Но при этом Сергей Александрович скромнен, как мне кажется, до застенчивости. Любит социологию самозабвенно. Готов часами напролет спорить и доказывать свое понимание этой науки. Уважает иную точку зрения, с неподдельным вниманием умеет выслушать другого. Мыслитель от Бога, которому, как мало кому из нас, дано так ярко и глубоко излагать свои мысли.

Родился Сергей Александрович в деревне Герутево Свислочского района Гродненской области в крестьянской семье накануне войны, 17 октября 1940 года. Отец расстрелян как участник партизанского отряда. Мама с малолетним сыном вывезена в рабство в Германию, где вплоть до освобождения ее войсками Красной армии прошла не один лагерь смерти вместе с маленьким Сережей. Затем возвращение в родную деревню, школа, работа по дому, полуголodeное послевоенное детство. Уже во время учебы в Порозовской средней школе у Сергея проявился интерес к истории и математике. В те годы многие молодые люди тянулись в авиацию. Не избежал этого увлечения и Сергей Александрович. В 1958 году он поступил в Выборгское авиационное училище, после окончания которого в 1961 году начал свою трудовую биографию техником Кременчугского вертолетного училища. Однако любовь к философии взяла свое и привела его в 1964 году на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

1960-е годы в СССР – время сложное, но чрезвычайно интересное. После Великой Победы всем казалось, что нет ничего невозможного для советского человека. Энтузиазм победителей чувствовался во всем: на глазах поднимались из руин города и села; молодежь бросилась учиться, осваивать новые профессии; активное развитие получили образование, наука, культура. Поэтому вполне закономерно, что годы учебы в ведущем вузе великой страны, где преподавали лучшие специалисты, запомнились Сергею Александровичу на всю жизнь как самые яркие и интересные. Здесь он жил, учился, работал и отдыхал. На все хватало времени, и главное ничто не было в тягость. Наступила пора взросления – молодость, после такого трудного детства. Вполне закономерно для того времени, что в период учебы в МГУ студенты и аспиранты ежегодно выезжали на ударные комсомольские стройки в составе студенческих строительных отрядов. С. А. Шавель и здесь был в первых рядах: строил жилье в Целиноградской области, обустроивал жизнь варкутян, в городе Иланске Красноярского края возводил городскую типографию, строил школу на Сахалине, вместе со своими друзьями-философами П. А. Водопьяновым и С. А. Слемневым в составе московского аспирантского отряда сплавлял лес на Печоре.

По окончании университета С. А. Шавель вернулся в родную Беларусь и в 1969 году начал свою научную деятельность – младшим научным сотрудником в секторе диалектического материализма Института философии и права АН БССР. В те годы профессор Г. П. Давидюк создает в институте отдел социальных исследований, в который и переходит Сергей Александрович. Это был период возрождения социологической науки, создавались новые отделы и секторы, развивалась заводская социология, стали активно проводиться прикладные социологические исследования на крупных промышленных предприятиях республики. Некоторое время С. А. Шавель работал старшим инженером-социологом в Институте Белорг-монтаж-спецстрой при Министерстве спецмонтажстроя БССР, а с 1974 по 1981 год – научным сотруд-

ником Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, где впоследствии возглавил сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. В 1977 году С. А. Шавель защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.09 – прикладная социология на тему «Управление развитием социальной структуры общества».

В Белгосуниверситете Сергей Александрович раскрылся как незаурядный ученый, очень тонкий и внимательный педагог. Он, как никто другой, чувствовал время и хорошо понимал, что будущее за социологической наукой. Поэтому никогда ничего не делал только ради того, что это положено по форме. Его увлекало будущее социологии, он стремился раскрыть ее потенциал и наглядно показать, что без фундаментальных знаний сами по себе колонки цифр ничего не значат. Расколдовать это обилие цифр, заставить их решать реальные проблемы общества, интерпретировать полученные результаты мог только профессионал-мыслитель с богатым воображением. Такой С. А. Шавель и сейчас...

Как сама наука социология в нашей стране, так и ее будущие классики были молоды. Да и время-то какое. Наука удивляла, и буквально шага нельзя было ступить без ее обоснования. Как важно вовремя понять – чтобы добиться чего-то особенного в жизни, быть полезным людям, необходимо практически постоянно учиться. И после окончания университета молодые специалисты, аспиранты, преподаватели – вчерашние студенты организовывали семинары, учились, спорили, проводили исследования, получали результаты и радовались, что занимаются серьезным делом – наукой. Рядом с Сергеем Александровичем в секторе прикладной социологии БГУ работали ныне широко известные социологи – Ж. М. Грищенко, Д. Г. Ротман, Л. А. Соглаева и другие. Авторитет Сергея Александровича Шавеля среди социологов непререкаем! Отличная образовательная база (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), разносторонняя эрудиция, выраженная профессиональная мотивация, сильный характер, не позволяющий относиться к делу поверхностно, очевидный творческий и интеллектуальный потенциал и просто человеческая порядочность позволили С. А. Шавелю занять лидирующую позицию среди коллег. И авторитет этот прошел испытание временем потому, что основан не на формальной значимости должностного статуса (достойных масштабу своей личности должностей он никогда не занимал), а на сущностном содержании того, что связывается с профессиональным достоинством.

Ж. М. Грищенко вспоминает: «Мне довелось бок о бок работать с Сергеем Александровичем на самом начальном этапе вхождения в профессиональное поле деятельности в Белгосуниверситете (сектор прикладной социологии). Помню, с каким неподдельным энтузиазмом он организовал для нас семинар по освоению математических и статистических методов анализа эмпирической базы данных. Поначалу эта идея была принята многими в штыки: зачем нам, только что получившим диплом о высшем образовании со специализацией «прикладная социология» и прошедшим курс высшей математики с ее интегральными и дифференциальными лабиринтами, этот семинарский ликбез?

Однако процесс обучения тонкостям матстатистики под руководством С. А. Шавеля был настолько захватывающе интересным и увлекательным, что сомнения в его целесообразности улетучились практически сразу. Решение практических задач с подсчетом средних величин, дисперсий, коэффициентов корреляции (в отсутствие компьютеров это было логически оправдано), визуальное знакомство с таблицей больших чисел, таблицей X^2 , матрицей факторных нагрузок (все это было представлено как наглядное пособие на стенах нашей лаборатории) и, наконец, самое главное – получение навыков оперирования всеми этими данными, где внимание было сфокусировано не на том, как вывести дисперсию (в конечном итоге, ее величину выдаст математик), а на том, что она значит для социолога и как ее интерпретировать в контексте анализа социологической информации. И когда сегодняшние студенты в буквальном смысле цепенеют перед проблемой социологической интерпретации конкретных критериев и

показателей матстатистики, я сожалею, что у них не было школы С. А. Шавеля. Огромное ему спасибо за тот обязательный ликбез, без которого мы вряд ли состоялись бы как практикующие социологи, а если бы и состоялись, то не так уверенно».

В 1981 году С. А. Шавель переходит в Институт философии и права АН БССР на должность старшего научного сотрудника, а после образования в 1990 году Института социологии он возглавил один из ведущих отделов института – отдел теории, методологии и методики социологических исследований, работал заместителем директора института. Здесь в полной мере раскрылся его многогранный талант ученого и исследователя. Основное направление научной деятельности С. А. Шавеля – теория и методология социологических исследований, социальная мотивация, ее истоки и направленность. В 1990 году он одним из первых в республике успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социальная сфера и мотивация труда».

Все, кто хоть однажды встречался с Сергеем Александровичем, навсегда попадают под влияние его интеллекта, редкой доброты и интеллигентности. Иногда кажется, что с возрастом он становится еще мягче, но это только видимость. Мысль зрелого ученого с каждым годом набирает силу, философскую глубину и социологическую точность. В чем собственно и убеждает новая книга Сергея Александровича, которую я с большим удовольствием представляю читателям. Книга включает статьи, опубликованные С. А. Шавелем в теоретико-методологическом журнале Белорусского государственного университета «Социология» со времени основания этого издания в конце 1997 года. Это не просто случайный перечень научных статей, написанных автором специально для журнала, а прежде всего результат напряженной работы ученого за последние десять лет. В каждой из статей затрагиваются важнейшие проблемы современного общественного развития, которые предстоит решать в новых социально-экономических условиях, когда в мире бушует финансовый кризис, то тут, то там вспыхивают «цветные революции», идет непростое строительство белорусской государственности. На многие вызовы времени наука не дает пока однозначных ответов.

В своей новой работе С. А. Шавель рассматривает широкий круг проблем: устойчивое развитие современного общества, социальной дифференциации, социальный капитал, социальный порядок, мотивационные стратегии потребления, социальные инновации как источник развития общества и инновационные установки населения, потребление и стабильность, консенсус, образ устойчивого социума и метод его конструирования, парсонсовская модель устойчивости и воспроизводства социального действия и многие другие. Кроме того, в ряде статей

С. А. Шавеля рассматривается развитие социологической науки в современных условиях, поднимаются вопросы о высокой общественной миссии социологической науки, реальности общественного мнения, методологических императивах социологии, концепции и алгоритме построения республиканской социологической репрезентативной выборки, методологических принципах «отнесение к ценности» и «свобода от оценки» в программе социологического исследования, методологических основах оценки кадров и др.

Читатель, безусловно, получит большое удовольствие, читая новую книгу С. А. Шавеля, которая вводит его в лабораторию ученого, совершенно открытого к любому диалогу и смело обозначившего свою позицию относительно самых злободневных проблем развития современного общества. В заключение мне остается только поздравить Сергея Александровича со славным юбилеем и сказать, что он сделал хороший подарок всем почитателям своего таланта, подготовив столь масштабную и интересную книгу. За это Вам, дорогой Сергей Александрович, особая благодарность...

А. Н. Данилов, член-корреспондент НАН Беларуси

Предисловие

Сыновьям Сергею и Александру, внукам Никите, Данилке и Павлику

Главный редактор журнала «Социология», член-корреспондент НАН Беларуси, профессор, доктор социологических наук А. Н. Данилов предложил мне подготовить книгу по опубликованным в журнале материалам. Предложение из тех, от которых не принято отказываться. Во-первых, как член редколлегии я искренне озабочен судьбой журнала и очень рад, что «Социология» стала знаковым событием не только для социологов, но и для всего социогуманитарного сообщества Беларуси, а также является символом социально ориентированного научно обоснованного инновационного курса развития страны. За короткое время журнал приобрел большой авторитет и вышел на академический уровень. Во-вторых, я достаточно активно участвую в жизни журнала и опубликовал, как выясняется, немало статей. Все они – плод исследовательской работы по плановым темам Института социологии НАН Беларуси. Так, в статье первого номера «Социологии» (сентябрь 1997 г.) рассматривались концепция и алгоритм построения республиканской репрезентативной выборки. Известно, что социологическая наука внесла значительный вклад в теорию выборки, но практика эмпирических исследований ставит все новые задачи и требует творческого подхода к использованию выборочных методов, в том числе и расчета выборки. Позже мы с коллегами – кандидатом физико-математических наук Н. Н. Леоновым и заведующей сектором

Е. М. Бородачевой подготовили и издали отдельную работу по данной теме¹, без которой, думаю, сегодня не обходится ни один социолог страны. Некоторые другие журнальные публикации стали началом коллективных монографий отдела².

Однажды на требование руководства увеличить число плановых индивидуальных монографий я полушутливо-полусерьезно сказал, что являюсь убежденным сторонником «малых форм». Действительно, что такое научная статья? Конечно, это основная форма публикаций, коей она была и пребудет всегда. Существует, однако, распространенное мнение, что по трудности и интеллектуальности статья уступает более крупным жанрам: брошюре, монографии, книге, учебнику. Вместе с тем в статье должна быть не только поставлена проблема, но и раскрыта затронутая тема. Она должна быть композиционно и содержательно цельной работой, к чему и стремится каждый автор. Безусловно, в статье можно опустить (скажем, из-за ограниченного объема) историю вопроса, описание методов, терминологическую полемику, отдельные аспекты и импликации. Да, можно. Но в авторском тезаурусе все то, что не вошло в текст, должно быть – имеется в виду уровень необходимых знаний, именно поэтому подготовительные материалы – заготовки, варианты, экскурсии, расчеты и пр. – значительно превосходят объем публикаций, иначе говоря, каждую толковую статью можно превратить в монографию, а вот переложить монографию в серию статей далеко не всегда возможно. Э. Кассирер приводит слова Лессинга: «Большая книга – большое зло», выражая сожаление, что ранее он «забыл этот афоризм, пренебрег им. Зато теперь я охотно подписываюсь под словами Лессинга»³. Разумеется, мода на толстые книги как самоцель или показатель IQ неоправдана. Но в конечном счете дело не в объеме, а в содержании. У самого Лессинга «Лаокоон» и другие работы далеко не брошюры, и таких примеров можно приводить много. Вместе с тем вполне справедливым

¹ Шавель С. А., Бородачева Е. М., Леонов Н. Н. Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки. Минск, 2001.

² См.: Социальные реформы в Беларуси: социологический анализ. Минск, 2004; Социальный порядок и жизнеспособность общества. Минск, 2007; Потребление и стабильность общества. Минск, 2010.

³ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 440.

является требование ВАКа к докторским монографиям: они должны опираться и обобщать уже опубликованные в рецензируемых изданиях статьи. Такую же задачу поставил перед собой и я, в надежде удачно структурировать материал в соответствии с данным требованием. Работа посвящена одной теме – роли социологии в современном белорусском обществе в соответствии с известным наказом О. Конта: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы правильно ставить цели, намечать приоритеты и эффективно добиваться намеченного.

Горькое признание-предсказание Ю. В. Андропова, как раз накануне перестройки, что мы плохо знаем общество, в котором живем, не должно повториться.

Хочу выразить глубокую признательность А. Н. Данилову и С. Г. Мусиенко – руководителю Аналитического центра ЕсооМ, без инициативы которых я бы не взялся за эту работу. Искренне благодарен своим коллегам – В. Р. Шухатович, Г. П. Коршунову, Н. Н. Леонову, С. Н. Кройтор, М. Н. Хурсу, Е. М. Бородачевой, Д. В. Назаровой, В. М. Зразиковой и особенно Л. П. Гилевской, оказавшей неоценимую помощь в подготовке рукописи.

Творческая атмосфера в Институте социологии создана и поддерживается прежде всего усилиями ведущих сотрудников, высоких профессионалов – академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым, докторами наук Г. Н. Соколовой, Р. А. Смирновой, В. И. Русецкой, Н. А. Барановским, руководителем Центра миграции научных кадров М. И. Артюхиным, зав. секторами Л. И. Науменко, И. Н. Шарым, И. В. Лашук; руководством института: директором И. В. Котляровым, зам. директора В. Л. Абушенко, ученым секретарем И. А. Лисовской, сотрудниками и аспирантами. Всем им мое уважение и слова благодарности. А если говорить о становлении, то как не вспомнить сектор прикладной социологии Белгосуниверситета, ставший в свое время инкубатором социологических кадров, как не поклониться его отцу-основателю и моему научному руководителю Г. П. Давыдюку, И. Г. Писаренко, не выразить признательность за сотворчество университетским коллегам Ж. М. Грищенко, А. В. Рубанову, Д. Г. Ротману, А. Н. Елсукову, О. Т. Манаеву, О. В. Терещенко, П. П. Украинец, Л. А. Гуцаленко, С. Д. Лаптенку, А. П. Лимаренко, С. В. Лапиной, а также бывшим сотрудникам Института социологии, ныне работающим в других учреждениях профессорам А. А. Ракову, В. В. Бущику, В. П. Оргишу, В. А. Клименко. С глубоким уважением, искренней симпатией и готовностью к сотрудничеству со всеми, кто в разных регионах нашей далеко не маленькой страны участвует в осуществлении высокой общественной миссии социологии.

Введение

Для того чтобы сделать общество – чрезвычайно сложное и многомерное образование – доступным пониманию и рациональному познанию, люди с давних пор прибегали к сравнительным образам («муравейник», «улей», «стадо» и т. д.) и аналогиям: общество как механизм, автомат, организм. В таком же ключе описываются и некоторые значимые периоды в жизни человечества: «золотой век» Гесиода как царство мира, гармонии, благополучия; «естественное состояние» как «война всех против всех», по Т. Гоббсу. «Это естественное состояние, – замечал Д. Юм, – нужно рассматривать как простую фикцию, подобную фикции о золотом веке, изобретенной поэтами»⁴. Долгое время в социальной науке доминирующими были идеи органицизма и эволюционизма, выдвинутые О. Контом и Г. Спенсером. Убедительную критику органицизма дал в свое время Л. Н. Толстой. Он писал: «Почему человечество – организм или подобно ему? Вы говорите, что общества подобны организмам по этим четырем признакам (развитие, усложнение структуры, дифференциация, преемственность. – С. III.), но ничего этого ведь нет. Вы только берете некоторые признаки организма и под них подводите человеческие общества. На таком же основании под признаки организма можно подвести что хотите»⁵.

Только в середине XX в. общество стали понимать как систему, соотнося его прежде всего со страной-государством. Системный подход к обществу позволяет выделить, во-первых, его целостность, понимаемую как единство (холизм) частей и элементов, образующих неаддитивное множество (целое больше суммы частей); во-вторых, структуру как закон связи элементов между собой в рамках целостности; в-третьих, особую форму реагирования, когда воздействие на одну их подсистем передается на другие, побуждая к соответствующим изменениям все общество; в-четвертых, иерархичность в кибернетическом смысле, т. е. каналы прямой и обратной связи (восходящей и нисходящей информации), реализуемая как «вертикаль власти»; в-пятых, способность к самоорганизации и восстановлению устойчивого состояния (социального порядка) как необходимого условия инновационного развития. Социология не просто ассимилировала данные положения из общей теории систем, но и внесла заметный вклад в ее становление. Характерно, например, полемика о гомеостазе или эквilibриуме, как называл подвижное состояние В. Парето. Т. Парсонс считал самым важным признаком социальной системы ее способность к восстановлению нарушенного равновесия. Он подчеркивал: «Если не делать никакого различия между условиями, благоприятствующими стабильности, и условиями, толкающими к изменениям состояния в сторону, противоположную стабильности, то не может существовать такой вещи, как систематический эмпирический анализ»⁶. Социология вводит категорию социального действия, являющуюся источником подвижного равновесия (гомеостаза) и одновременно – целенаправленного инновационного развития (гетеростаза).

Однако действия людей могут быть разнонаправленными по отношению к социальному порядку и целям общества, в том числе и расшатывающими его. Просоциальную активность определяет мотивационно-стимулирующий механизм, который при правильной настройке действуют так, чтобы у акторов «не возникало желание к отклонению от выполнения ролевых ожиданий»⁷. Создание теоретической модели такого механизма – главная задача социологической науки, не исключая, конечно, социологическое образование, просвещение, информированность и др. Исходя из этого проведено структурирование содержания предлагаемой книги.

⁴ Юм Д. Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 645.

⁵ Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Собр. соч.: В 20 т. М., 1964. Т. 16. С. 338.

⁶ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 43–44.

⁷ Там же. С. 5.

В *первой главе* изложено авторское понимание современного предназначения социологии, ее высокой общественной миссии. На наш взгляд, известная формула Конта «знать – предвидеть – регулировать» рефлексивна, ибо обращена не только к обществу, но и к самой науке. Социология должна развиваться, чтобы быть адекватной меняющимся условиям, историко-культурному, социально-экономическому и политическому контексту конкретного общества. Социология формирует стабилизационное сознание и соответствующее общественное мнение; социологическое образование, представляя картину социальной реальности, закладывает мировоззренческий фундамент убеждений, гражданской позиции, ответственности и т. д.

Во *второй главе* рассматриваются методологические императивы социологической науки. Особое внимание уделено мировоззренческим аспектам социологической методологии, ее основным принципам, консенсусу, социологическому оптимизму в связи с «номологическим расколом», а также обоснованию республиканской репрезентативной выборки.

Третья глава посвящена социальным ожиданиям (экспектациям) как ключевой категории в познании общества. Тот, кто недооценивает или вообще игнорирует этот вопрос, теряет информацию, которую невозможно восполнить другими способами. Ожидания людей субъективны по самой своей природе и весьма динамичны. В начале 1990-х годов круг ожиданий был ограничен: люди с большим напряжением ждали безопасности и общественного порядка, мечтали о преодолении тотального дефицита и если не изобилия, то хотя бы среднего уровня обеспечения. Возможность приобретения автомобиля казалась заоблачной, об Интернете и мобильной связи и речи не было. Сегодня все это есть, доступно для большинства населения, но ожидания не иссякли, они расширяются с подъемом уровня жизни. Конечно, есть и завышенные притязания, связанные как с переоценкой своих возможностей, так и с необоснованными запросами. Существуют и явно заниженные ожидания, рождаемые неверием в свои силы, в поступательное движение общества. Все это необходимо знать, причем по каждому классу ожиданий, а также в разрезе регионов, социальных групп, возрастных когорт и т. д.

Четвертая глава вводит понятие социального порядка как основу жизнеспособности и устойчивости социума. Отношение к данному термину неоднозначное: одни видят в нем апологику, другие – покушение на либеральные принципы, третьи – возврат к тоталитаризму и т. п. Мы исходим из того, что социальный порядок есть антипод, с одной стороны, хаосу, неопределенности, сумятице, с другой – волюнтаризму, анархизму и т. п. Последовательно отстаивал данную категорию Т. Парсонс. В его теоретической модели общества социальный порядок – один из краеугольных камней; отказ от него равносителен отрицанию самой социологической науки. Он неоднократно заявлял: «Поэтому в данном вопросе на меня не производит никакого впечатления заградительный огонь настойчивой критики»⁸. Социальный порядок начинается с регулирования дифференциации и уровня расслоения общества. Избыточное неоправданное расслоение (разница доходов богатых и бедных больше чем в пять раз) провоцирует зависть, рождает протестные настроения, потерю доверия, демотивацию и др.

В *пятой главе* очерчено, пусть и не во всех деталях, предметное поле анализа мотивационно-стимулирующего механизма. Высокая мотивация – залог успеха во всех видах деятельности – от производства до учебы, спорта и др. Но многие традиционные схемы оказались нерелевантными изменившимся условиям, растущим ожиданиям населения, особенно молодежной когорты. Необходимо искать новые формы повышения просоциальной активности, мобилизации человеческого потенциала. В теоретическом плане важно учитывать конкретную связь стимула и мотива. Общие для целых категорий населения материальные стимулы (повышение заработной платы, пенсий, стипендий, пособий) не всегда и не для всех становятся действенными личными побуждениями – мотивами. В сфере потребления наблюдается нестрате-

⁸ Парсонс Т. О социальных системах. С. 44.

гическое поведение, когда мотивация покупки случайна или неопределенна (импульсивный спрос). Растет объем престижного потребления, социальная и психологическая природа которого противоречива. Символический обмен резко повысил мотивационное значение разных видов номинаций, что также необходимо учитывать. Все это ставит перед социологической наукой новые задачи.

В *шестой главе* проводится социологическое обоснование инновационного курса развития белорусского общества. Выделено четыре наиболее важных, с нашей точки зрения, направления социологического анализа. Первое – это рассмотрение содержания понятия социальных инноваций, их отличия от технологических, экономических и других, классификация, этапы развития. Второе – раскрытие методологической основы оценки кадров, тестовых, системных и других методик диагностики в контексте инновационного развития. Третье – анализ социального капитала разного уровня общностей – диады, социальной сети, коллектива, общества в целом. Основа социального капитала – это интерактивное доверие между людьми, а также доверие населения социальным институтам, органам власти и управления. Социологические данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне доверия в Беларуси, который сохранился и даже вырос в отношении к некоторым институтам и органам власти в период борьбы с кризисом. Четвертое – изучение инновационных установок населения, готовности людей к позитивному восприятию новшеств, личному участию в инновационном поиске и внедрении результатов.

Как мы отмечали, общий план исследований определялся направленностью научных работ Института социологии. Но инициатива коллектива отдела и его руководителя всегда учитывается. В этом смысле и тематика статей в журнале «Социология», и содержание данной книги – дело свободного выбора автора. Что касается прикладной стороны – конкретных рекомендаций, то они представлены в научных отчетах, информационных и аналитических записках по результатам исследования.

Глава 1

Социология как самопознание общества и основа социальных технологий

1.1. высокая общественная миссия социологической науки

*Если ты говоришь, что социология лучше других наук,
то выдвигаешь серьезный аргумент против социологии;
если утверждаешь, что социология – хуже других наук,
то выдвигаешь решительный аргумент против самого себя.*
Девиз сектора прикладной социологии БГУ 70-х годов

Опубликованный в «Колонке Главного редактора» (Социология. 2005. № 3) Протокол № 92 от 09 ноября 1965 г. заседания Президиума ЦК КПБ вернул нас ко времени реабилитации и возрождения отечественной социологии. Этот документ примечателен поразительным чувством времени и глубоким пониманием назревшей потребности создания научных основ руководства экономикой, политической и духовной жизнью общества. Именно поэтому подчеркнуто, что «особое значение приобретает глубокий анализ явлений и процессов, происходящих в нашем обществе». Эта спокойная и ясная констатация показывает, что высший орган республики в достаточной степени владел диалектикой целей и средств. Новые, более высокие цели и задачи объективно требовали расширения арсенала средств их достижения, прежде всего современных методов руководства и управления на основе обратной связи. Ситуация того времени отличалась тем, что на место хрущевского волюнтаризма и частых импульсивных реорганизаций, кампаний, вплоть до пересмотра территориально-административного деления и т. п., пришел некоторый консерватизм с акцентом на стабильность. Как известно, стабильность, устойчивость, целостность, социальный порядок – это основополагающие категории социологии, и неслучайно она в те годы привлекала все большее внимание ученых, политиков и населения. Но с теоретической точки зрения, стабильность, социальный порядок должны быть проникнуты динамическим началом, постоянным инновационным поиском. На практике же динамический подход был вскоре заглушен, и здоровый консерватизм обернулся «застоем».

Сегодня кажется удивительным, что впервые опубликованный документ, в котором не было даже намека на какие-либо государственные тайны и который заслуживает самой широкой популяризации, в то время шел под грифом «Совершенно секретно». По-видимому, таков был режим, нарушить который на республиканском уровне было невозможно.

Под эгидой ЦК КПБ белорусская социология быстро встала на ноги, в полном смысле слова возродилась. Сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие – не только труды социологов 1920–1930-х годов, но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры, возникла заводская социология – должности социологов были впервые введены в штатное расписание крупных предприятий, отраслевых институтов и органов управления. За пределами республики стали говорить о белорусской школе социологии, которую мы сегодня называем отечественной социологией. Серьезным достижением социологической науки стала разработка планов социального развития коллективов, регионов и республики в целом. План города Минска был отмечен золотой медалью ВДНХ, что в то время было высоким признанием. Заложенные в тот

период традиции позволяют столице Беларуси сохранять высокий уровень не только в экономике, но и в социальной сфере, благоустройстве, развитии инфраструктуры и т. д.

После периода 90-х годов – растерянности, ухода части социологов в коммерческие структуры – белорусская социология все более активно привлекается к исследованию актуальных проблем государственного и региональных уровней. Приведем некоторые примеры. Так, по словам П. Прокоповича, Национальный банк Республики Беларусь проводит постоянный мониторинг мнений относительно курса белорусского рубля. «По данным последнего опроса, 60 % предприятий высказались за стабильный курс, а еще 20 % – за укрепление национальной валюты» (СБ, 06.02.2006 г.).

Интересные данные получены в ходе опроса населения о том, в какой сфере для белорусов и россиян наиболее важны равные права. На первом месте названо медицинское обслуживание, далее – социальное обеспечение (пенсии), трудоустройство, образование и др. (БТ, 01.02.2006 г.).

Институт приватизации и менеджмента выявил, что сегодня 40 % опрошенных хотели бы работать на государственных предприятиях, а 29 % – на частных (СБ, 16.02.2006 г.). Эти данные говорят о существенном изменении по сравнению с началом 90-х годов предпочтений в пользу государственных предприятий.

Министр внутренних дел Беларуси В. Наумов подчеркнул, что оценка результативности работы подразделений милиции опирается на данные социологических исследований.

Министерство энергетики провело крупное республиканское социологическое исследование, направленное на выявление общественного мнения и экспертных оценок о перспективах развития топливно-энергетического комплекса страны. Об этом исследовании, выполненном Институтом социологии НАН Беларуси, следовало бы рассказать подробно, учитывая первостепенную жизненную важность энергобезопасности страны, а также дискуссионность ряда вопросов энергообеспечения – использования местных и альтернативных источников, развития ядерной энергетики, кооперации и др. Но, во-первых, готовится публикация Минэнерго, во-вторых, мы приводим только примеры, показывающие белорусскую социологию в действии.

И все-таки востребованность социологии явно недостаточна, исходя из объективных потребностей общества. Некоторые из названных исследований проводятся собственными силами, в то время как часть выпускников социологических отделений уходит в другие сферы (нет заказов на специалистов); имеются определенные трудности в развитии социологического образования; не видно пока попыток восстановления заводской социологии; слишком робкие усилия прилагаются к поддержанию ростков социологии здравоохранения и медицины, социологии села, социологии спорта и туризма, военной социологии и др.

Все это побуждает еще раз обратиться к теме, которая профессионалам в любой области науки всегда кажется избыточной, а именно к обсуждению места и роли социологической науки в современном белорусском обществе. Понимая масштабность данной темы, остановимся лишь на тех аспектах, которые раскрывают потенциал социологии в плане формирования мировоззрения, информационного обеспечения и практического вклада в оптимизацию общественных отношений, повышение жизнеспособности общества.

Пионеры социологии о потребности в новой науке и ее предназначении. Каждая наука рождается дважды: первый раз в форме идеи, второй – в процессе институционализации. Идея или проект новой науки содержит обоснование общественной потребности в соответствующем знании, его функциональной направленности, методологических основаниях, а также доказательства невозможности получения знания из других источников – существующих научных дисциплин, жизненного опыта и др. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса новой науки, после чего становится возможным ее

преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирование исследований и пр.

Социология как проект зародилась во Франции в 1842 г., когда вышел из печати очередной том «Курса позитивной философии» О. Конта, в котором и содержалось оригинальное название новой науки, слово-гибрид – социология (от лат. *societas* – общество и греч. *logos* – учение). Процесс институционализации растянулся на 50 лет, его завершением можно считать основание в 1892 г. первого в мире социологического факультета в Чикагском университете, создание в Сорбонне кафедры социологии и присуждение Э. Дюркгейму первого в мире звания профессора социологии. Обратим внимание (об этом в литературе не упоминается), что великая плеяда пионеров социологии, включая признанных классиков – О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Г. Зиммеля,

М. Вебера, да и Э. Дюркгейма в первый период творчества, а также многих последователей и оппонентов социологии во многих странах (в России – П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, Н. М. Ковалевский и др.; в Беларуси – И. В. Канчевский), не могли зарабатывать на жизнь социологической работой. Уже один этот факт позволяет исключить какие-либо вненаучные мотивы, ангажированность и т. п. Эти люди строили здание социологии потому, что верили в ее потенциал, считали полезной и необходимой для общества, имея в виду не только свои страны, но и, как правило, судьбы человечества.

Можно, пожалуй, признать аксиоматичным, что новая наука утверждается только тогда, когда отвечает на актуальные общественные запросы, соответствует «духу времени» (М. Вебер) как устойчивой форме ценностного сознания социума. Если это так, то совсем не случайно социология возникла именно во Франции, в стране, пережившей на рубеже XVIII – XIX вв. несколько тектонических потрясений: революцию с невиданным до того террором; взлеты и падения наполеоновского правления; реставрацию монархии с новой спиралью революционной ситуации. Уже Сен-Симон – свидетель и участник (на стороне якобинцев) революции пришел к выводу, что ничего, кроме хаоса и анархии, подобные перевороты не приносят, для преодоления возникающих кризисов «достаточно провести разумные перемены в правительстве и финансах». Но для этого нужны другие люди – не «вольтерьянцы» или «руссоисты», не те, кто готов пойти на подстрекательство и любые жестокости, а те, кто способен поставить во главу угла стабильность, индустриализм, модернизацию. Сен-Симон полагал, что это должны быть промышленники, проникнутые верой в прогресс наук, «новое христианство» и отдающие приоритет общему благу перед индивидуальным. В «Катехизисе промышленников» утверждалось, что главное – не просто рационализировать производство, а создать разумные, научно выверенные методы распределения.

О. Конт, развивая эту мысль, пришел к выводу, что такими людьми могут стать только социологи, точнее – социологически просвещенные промышленники, политики, управленцы, юристы и др. Чтобы такие люди появились, необходимо изменить систему образования, образ мышления и мировоззрение, для чего и нужна социология. Это и есть *первая предпосылка* необходимости и предназначения новой науки. Ее можно назвать образовательной. Социология нужна для того, чтобы вырастить специалистов, которые смогут грамотно разрешать классовые, трудовые, этнические, конфессиональные конфликты, предохраняя общество от революций, гражданских и религиозных войн, т. е. упреждая разрушение фундаментальных основ и нравственных устоев человеческого общежития. В начале XX в. именно социология, без преувеличения, спасла капитализм, предложив в лице тейлоризма, фордизма, теории человеческих отношений, социально ориентированных экономических учений (Маршалла, Кейнса и др.) принципиально новые подходы к пониманию источников классовых и других противоречий и инновационные варианты снижения социальной напряженности.

Вторая предпосылка – гносеологическая. Суть ее заключается в следующем вопросе: «Насколько при существующей системе наук и организации исследований общество способно

к самопознанию, а значит, к грамотному решению возникающих проблем и упреждению социальных взрывов?» Классики социологии, анализируя ситуацию своего времени, давали отрицательный ответ на этот вопрос. По их оценкам, в XIX в., как и ранее, общественная мысль существовала и развивалась в форме высоких абстракций, в отрыве от повседневности. Наиболее жгучие проблемы, такие как оплата труда, жилищный вопрос, миграция, девиантное поведение, распределение и потребление и т. д., аналитически не затрагивались, только в некоторых странах собиралась статистика об этих явлениях. Общественное мнение не изучалось, более того, считалось, что его репрезентантом являются публикации в газетах и журналах. Общественные науки не имели методов для проникновения в социальную реальность, и в этом они существенно отставали от «наук о природе», успешно осваивающих экспериментальную технику познания. Высоко ценились личные наблюдения опытных людей, хотя их «объективность» оставалась сомнительной. Как результат, в ответ на все новые волны революции, прокатывающейся по Европе, правящие классы лишь усиливали репрессии, разжигая костер противоборства. Все это и отразилось в предложенном О. Контом кратком девизе новой науки: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы регулировать». Трудно представить более жизненно важную потребность – как в то время, так и сегодня – для любого общества (страны-государства), заботящегося о своем будущем.

Несмотря на то что тезис Конта был скорее декларацией о намерениях и до их реализации нужно было еще доработаться, на что ушли десятилетия, тем не менее сама эта установка вызвала осуждение и «слева» и «справа». Левые осуждали социологию за ее «охранительские предрассудки», т. е. отрицание революционных преобразований в пользу научно обоснованного реформирования; правые – увидели в ней угрозу либерально-демократическим ценностям: индивидуализму, свободе предпринимательства, правам человека со стороны субъекта управления (государства), отстаивающего общие интересы и целостность общества. «Детская болезнь «левизны» проявилась и в ликвидации в СССР социологии как «буржуазной науки», хотя ее «буржуазность» можно усмотреть лишь в оправдании реформистского пути «спокойной модернизации» перед революционным катастрофизмом. Еще А. Токвиль писал, что объективные цели революции могут быть достигнуты реформаторскими методами при условии их осознания верхами, их гибкости и политической воли. Эти слова применимы ко всем революциям – великим и малым, славным и бесславным, «цветным» и «черно-белым», включая и ту, которая создала Советский Союз, и ту, которая завершила его существование. Одно лишь существенно: чтобы под объективными целями имелось в виду не завоевание власти, а благосостояние народа, сохранение целостности общества, новые перспективы развития. «Теория революции, – по словам П. Штомпки, – бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергаться, если же не способна, то это вовсе не теория»⁹.

П. Сорокин, проанализировав 70 примеров возникновения революционной ситуации, пришел в «Социологии революций» к выводу: «Революции совершают не голодные люди, а те, кто не пообедал один раз». Эту мысль мы понимаем так: внутренним импульсом, формирующим у человека именно революционную установку, а не поиск, например, лучшей работы, путей миграции, возможностей повышения квалификации и переучивания и т. д., является осознание тщетности ожиданий перемен к лучшему.

Но с социологической точки зрения, столь же неприемлемы и либералистские преобразования в форме «шоковой терапии» или «цветных революций». Если последние происходят сегодня, то потому, что нарушается второе условие А. Токвиля: верхи не осознают реформаторские методы, им не хватает гибкости и политической воли. По крайней мере в первом можно видеть недостаток социологической грамотности.

⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 389.

Третья предпосылка – амелиористская (фр. amelioration – улучшение). Все в обществе – и то, что возникло стихийно (например, половозрастное разделение труда), и то, что создано в результате сознательной целеустремленной деятельности людей (социальные институты, формы общения, учреждения, нормы и т. д.), – со временем устаревает, перестает соответствовать новым условиям и нуждается в улучшении, усовершенствовании, обновлении в целом или в отдельных деталях и аспектах. Проблема в том, что «изношенность» общественных форм и структур заметить гораздо труднее, чем деформации вещественных компонентов. Накапливаясь и иррадируя, подобные дефекты приводят к нарушению нормального хода социальных процессов, деструктивным явлениям в сфере отношений, институтов и общностей. И уж если мы каждодневно следим за состоянием трубопроводов, опор мостов, машин и механизмов, то мониторинг социальных устоев общества еще более важен.

Социология – наука о жизнеспособности социумов. Контовское определение социологии как науки об обществе представляет собой этимологическую расшифровку термина. Оно указывает на принадлежность социологии к классу общественных наук, однако в силу многозначности понятия «общество» (общество как часть материального мира, обособившаяся от природы; модель социальной системы; страна-государство; гражданское общество – олицетворение особых интересов социальных групп и категорий населения; организация типа «общества рыболовов» и т. д.) ее предмет понимается или слишком широко (как синоним социальной науки в целом (О. Конт)), или слишком узко. Последнее характерно, например, для следующей дефиниции из британского социологического словаря: «Социологию можно определить как исследование основ участия людей в жизни общества»¹⁰. Причем авторы в отличие от традиционных интерпретаций полагают, что первый корень слова социология «социо» произведен не от лат. «societas» – общество, а от лат. «socius» – товарищеский.

В силу этого до сих пор продолжаются дискуссии о предмете социологии, вносятся предложения о его пересмотре, уточнении, дополнении. Мы не будем анализировать многочисленные варианты понимания предмета социологии, обратим внимание лишь на два момента, которые, как правило, опускаются.

Первый: для чего необходимо более точное указание предмета науки? На первый взгляд кажется, исключительно для того, чтобы строго провести разделительные линии со смежными дисциплинами, ограничивая и конструируя собственное исследовательское поле. Это существенно, особенно в период бурного роста, дифференциации, появления все новых наук в рамках общего класса – в нашем случае социогуманитарных. Но более важным, на наш взгляд, следует признать иное, а именно стремление выявить и эксплицировать предназначение науки, ее эвристический потенциал и практическую значимость. С этой точки зрения, превышение возможностей социологии по своему предмету, – например представление, что она способна создавать проекты «идеального общества», переустраивать общество в масштабах человечества, стать «новой религией», автоматически обеспечивающей солидарность, симпатию, сплоченность, интеграцию и т. д. – не менее опасно, чем недооценка или игнорирование социологического знания. Эту позицию мы хотели зафиксировать в том девизе, который приведен в качестве эпиграфа. Исторически вычленение предмета социологии осуществляется по линии выделения определенных компонентов общества – структур, форм, функций, отношений, действий и т. д., в предположении, что, восходя от одного из них, можно понять и восстановить всю полноту многосложной общественной жизни в целом. Так, в качестве предмета социологии называются институты, коллективные представления, социальные отношения, общности, формы общения и участия людей в жизни общества, социальные процессы и явления, социальные действия и др. Попытку синтезировать разные подходы предпринял В. А. Ядов. Он

¹⁰ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М., 1997. С. 304.

пишет: «Социология – это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения»¹¹. Но и в этом определении перечислено далеко не все, что достойно и доступно для социологического анализа, например мотивация, социальные настроения, образ жизни, структура потребления, в том числе престижного, отклоняющееся поведение и т. д. Более того, оно сводит социологию к описательной науке, к «археологии знаний» (М. Фуко), поскольку отсутствует аспект направленности исследований: ради чего? Создается невольное впечатление, что производство социологического знания – внутреннее дело самой социологической науки, тем самым устанавливается незримая граница между производителем и потребителем знания, социологом и заказчиком. Но социология не описательная наука, хотя описание – одна из ее функций. Э. Дюркгейм, много размышлявший о предназначении социологии, категорически отвергал тот подход, который позже называли «объективизмом». Он писал: «Ей известны, говорят, лишь факты, которые все имеют одинаковую ценность и одинаковый интерес; она их наблюдает, объясняет, но не судит. Для нее нет таких фактов, которые были бы достойны порицания. Добро и зло не существуют в ее глазах. Наука, таким образом, оказывается лишенной, или почти лишенной, всякой практической силы и вследствие этого не имеющей большого права на существование»¹². Совсем иное, по Дюркгейму, предназначение социологии. Она может помимо теоретической пользы «оказать благотворное влияние и на практику»¹³. Прежде всего путем выявления до поры до времени латентных (невидимых) деформаций общественного сознания, которые накапливаются в обществе (автор имеет в виду Францию конца XIX в., но это общая линия), таких как ослабление коллективного духа, рост индивидуализма, эгоизма, разобщенности, и незаметно, что тем более опасно, снижают жизнеспособность «страны, в которой мы живем». «Итак, господа, – обращается Дюркгейм к студентам, – я верю, что социология более, чем любая другая наука, в состоянии восстановить эти идеи (солидарности, органического единства, коллективизма. – С. Ш.). Именно она дает понять индивиду, что такое общество, как оно дополняет индивида, и насколько мало он значит, если он ограничен только своими собственными силами»¹⁴.

Возвращаясь к предмету социологии, следует признать, что «перечневый» подход никогда не будет завершен, так же как, например, не исчерпают себя описательные науки археология, этнография и др. Само время «археологизирует» не только текущие формы материальной культуры, быта и т. п., но и общественные институты, формы повседневной жизни, поведения и общения. Социология более чем другие общественные науки способна оказывать благотворное влияние на социальный порядок и стабильность именно потому, что в ней сильнее представлена амелиористская направленность. Все общественные явления, структуры, действия она рассматривает под одним углом зрения: насколько в существующих условиях они адекватны для сохранения и воспроизводства соответствующих социальных систем, институтов, сфер и общества в целом. Выявление отклонений, деформаций и диспропорций проводится с целью поиска путей исправления и улучшения.

Таким образом, предметом социологии выступают все системные параметры социума, обеспечивающие его жизнеспособность и жизнестойкость в конкретных условиях. Социология

¹¹ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности). М., 1998. С. 36.

¹² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 69.

¹³ Там же. С. 197.

¹⁴ Там же.

– наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящейся формы социальности, человеческого общежития – от семьи, коллектива, института до общества в целом, т. е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия.

Потребность в социологическом образовании. Первые социологические образовательные учреждения (кафедры, факультеты, институты) появились спустя более полувека после зарождения социологии, на рубеже XIX – XX вв., практически одновременно во многих странах – Франции, США, Японии, Китае, России (кафедра П. Сорокина в 1918 г.) и др. В Беларуси, как мы знаем, первая кафедра социологии была создана в Белгосуниверситете в 1921 г. Со временем утвердилась трехуровневая схема преподавания социологии, сохраняющаяся в целом и до настоящего времени. Первый уровень – гимназический (средняя школа, лицеи и др.); второй – изучение социологии в составе цикла социально-гуманитарных дисциплин всеми студентами высшей школы (университеты, институты и т. д.); третий – профессиональная подготовка специалистов-социологов. Первые два уровня призваны дать молодежи общую социологическую подготовку. Потребность в ней определяется двойственной природой самого процесса образования, а именно тем, что в нем должны оптимально сочетаться, дополнять и переходить друг в друга два ценностно-смысловых вектора: профессионализация и социализация. Профессионализация – это вооружение человека знаниями, умениями и навыками, необходимыми и достаточными для выполнения конкретной работы. Социализация – процесс включения индивида в общество и соответствующая подготовка его к полноценной жизни среди людей, включающая формирование способностей самостоятельно решать свои проблемы, строить отношения с партнерами на взаимной основе, понимать и принимать нормативные требования, ценности и смыслы общежития, вырабатывать конструктивную установку на то, чтобы не разрушать, а, по возможности, укреплять главное условие собственной жизни – целостность социума. Социализированный индивид – тот, кто готов психологически, нравственно и когнитивно (знаниево) к успешному выполнению социальных ролей в семье, трудовом коллективе, воинском подразделении, спортивной команде и т. д., а также к исполнению гражданских обязанностей и гражданского долга.

Теория социализации – одно из значительных достижений социологической науки, она изначально разрабатывалась социологами, сам термин «социализация» и все сопутствующие ему – социальная роль, статус, карьера, идентичность, референтная группа, конформизм и др. – из словаря социологии. Именно поэтому социологическое образование стало основой формирования мировоззрения школьников и социально-гуманитарной зрелости студенческой молодежи, причем настолько, что в ряде стран вытеснило педагогику. Педагогика определяется как наука о воспитании и обучении – именно в такой последовательности, а не наоборот. В этой связи уместно вспомнить слова К. Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания забывает, что обстоятельства изменяются людьми, и что *воспитатель сам должен быть воспитан*»¹⁵. Сегодня мы бы сказали: воспитатель должен быть социализирован и социологически образован, ибо социология воспитывает не морализаторством, негативными запретами («нельзя») и санкциями, а тем, что открывает дверь в тот сложный мир, в который, взрослея, войдет индивид; показывает, как устроен этот мир и каким нужно стать самому, чтобы чувствовать себя в нем комфортно, иметь возможность самореализации. В этом и заключается смысл и суть огромной популярности социологического образования в развитых странах: не только в государственных школах и вузах, но и в частных, которые сами выбирают, чему и как учить. Не будем повторять, что социологические факультеты есть во всех крупных университетах этих стран, что социологическая специализация суще-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2.

ствует во многих медицинских, технических, сельскохозяйственных и других вузах (недавно нам пришлось рецензировать работу, выполненную на социологическом факультете одного из судостроительных вузов России). Присмотримся к опыту Китая. По словам профессора Цзя Чунь-Чжэня, китайская социология началась в 1903 г. с переводом на китайский язык книги Г. Спенсера «Исследование социологии» и ряда японских авторов. В 1947 г. в 22 университетах имелись социологические факультеты или отделения. Но в 1953 г. «преподавание социологии в университетах было полностью запрещено и последние социологические факультеты закрыты»¹⁶. Возрождение китайской социологии началось в 1978 г. по инициативе Генерального секретаря КПК Дэн Сяопина. К 1990 г. в стране было 10 факультетов в университетах и ряд институтов социологических исследований. В 1985 г. был открыт Социологический заочный университет с приемом 26 тысяч (!) учащихся на первый курс.

В нашей стране ситуация с социологическим образованием неоднозначна.

А. Н. Данилов отмечает: «Спустя 40 лет вроде бы все и всем ясно – социология нужна и важна для активно развивающегося суверенного белорусского государства. Тем не менее периодически возникают идеи об изменении статуса и объема преподавания социологии в высшей школе»¹⁷. Имеются в виду сокращение количества часов на преподавание социологии с 64 до 36, объединение социологии с политологией или выведение ее из состава базовых дисциплин, как это сделали в БГУ. Все это контрпродуктивные идеи, которые при их реализации могут отрицательно сказаться на стабильности общества и судьбах выпускников высшей школы.

Так, по данным социологических опросов, около 35 % студентов видят себя руководителями (реально эта цифра еще выше). Проследившая жизненный путь выпускников, нетрудно убедиться, что подавляющее число инженеров, технологов, агрономов, зоотехников, офицеров с самой первой должности получают в подчинение определенное количество исполнителей. Но и среди представителей творческих профессий, педагогов, врачей, культпросвет-работников примерно каждый четвертый со временем должен профессионально заниматься управленческой работой, становиться руководителем. В этой связи стоит задуматься над тем, насколько они готовы именно к такой работе, знают ли, что та кое «коллектив», «мотивационно-стимулирующий механизм», «идентичность», «деривация», «аномия» и т. д., как формировать морально-психологический климат, командный дух, сплоченность, сработанность. То, что они знают сопромат, начертательную геометрию, могут рассчитать балку, строить эпюры, вряд ли поможет им в решении социальных проблем в коллективах. Одним словом, современная жизнь настолько изменилась, что невозможно стать успешным руководителем коллектива без хороших знаний социологии управления и других дисциплин социально-гуманитарного цикла. В этой связи сомнительно, что выпускник БГУ, став министром, поблагодарит ректорат за то, что вмес то социологии ему дополнительно читали курсы по высшей алгебре или техническим дисциплинам.

В средней школе преподается и выносится на централизованное тестирование как приемный экзамен для поступления в вузы дисциплина со странным названием «Человек. Общество. Государство». Странность в том, что учебного предмета, собственно, нет. Указаны лишь объекты, каждый из которых изучают многие науки, в том числе и естественные (человека, например, физиология, анатомия, генетика и др.). Если перенести этот «логический» прием на другие дисциплины, то пришлось бы ввести такие обозначения: «числа», т. е. математика; «вещество» – физика; «живая материя» – биология и т. д.

Напомним, как возник этот парадокс. В 60-е годы XX в. выяснилось, что для выработки адекватного мировоззрения школьники в СССР должны, по примеру других стран, получать знания не только о физико-органическом мире, но и о картине социальной реальности. Воз-

¹⁶ Цзя Чунь-Чжень. Радует успехам, видим трудности // Социс. 1990. № 10. С. 142.

¹⁷ Данилов А. Н. К сороколетию возрождения социологии в Беларуси // Социология. 2005. № 3. С. 5.

никала дилемма, что включать в школьные программы: исторический материализм или социологию? Поскольку социология в глазах руководства того времени не имела теоретического статуса и рассматривалась лишь как способ сбора информации, то ее вводить было нецелесообразно, а исторический материализм посчитали для школьников сложным и преждевременным. Так возник новый предмет – обществоведение (у многих из нас второй специальностью по диплому является «преподаватель обществоведения»). В переходный период это название трансформировалось в «Человек и общество», а затем в «Человек. Общество. Государство». Если исходить из цели – получение знаний о картине социальной реальности и формирование на этой основе полноценного мировоззрения, то речь может идти только о социологическом образовании. «Человек» – это социология личности; «Общество» – это теория социальной структуры и институтов, социология семьи, коллектива, СМИ и культуры; «Государство» – это социология права и нормативно-правовых отношений, личность и государство.

Имея в виду социализацию, необходимо еще раз подчеркнуть, что это не стихийный, а мотивационно направляемый процесс благодаря тем целям, которые раскрываются в ответе на вопрос «Каким быть?». Э. Дюркгейм писал: «Даже к тем качествам, которые на первый взгляд кажутся спонтанно столь желаемыми, индивид стремится лишь тогда, когда *общество к ним побуждает и стремится так, как оно ему предписывает*. Вы видите, что педагогу далеко не достаточно иметь в качестве ресурсов одну лишь психологию»¹⁸. История свидетельствует, что в разные времена и в разных обществах доминирующими чертами личности становятся те, которые программируются социумом в качестве целей – мотивов социализации. Так, для спартанца главное – выносливость и бесстрашие в бою, афинянина – развитое эстетическое чувство, средневекового рыцаря – честь и достоинство, протестанта – призвание, рациональность и предприимчивость и т. д. В Советском Союзе ставка делалась на такие качества, как коллективизм, интернационализм, трудовой энтузиазм и патриотизм. В переходный период эта система ведущих личностных качеств серьезно нарушилась. На некоторое время социально желательный личностный образ растворился в стихийных антиципациях (предвосхищениях): коллективистское начало потеснил индивидуализм («забота о себе», эгоизм и пр.); интернационализм – национальные чувства и предрассудки; трудовой энтузиазм – поиск легких путей; патриотизм – ориентации на другие страны, идеи глобализма, космополитизма и т. д. Одновременно в восприятии молодежи разрушилась прежняя иерархия престижа профессий. Ученый, врач, учитель, офицер, инженер оказались оттеснены во вторую десятку и ниже, их место заняли два типа профессий. Первый тип, возвышение которого можно признать, по крайней мере в 90-е годы, оправданным с точки зрения общественных потребностей (экономисты, финансисты, аудиторы, юристы, маркетологи, менеджеры и др.); второй – привлекателен главным образом по второстепенным признакам, таким как телевизионная популярность, кажущаяся легкость овладения ремеслом и заработка (шоу-бизнес, модельный бизнес, реклама, брокерство, риэлторство, некоторые специфические услуги и пр.). В этой ситуации более чем актуальными представляются следующие слова Дюркгейма: «Только социология может либо помочь нам понять ее (цель воспитания. – С. Ш.), связывая ее с социальными состояниями, от которых она зависит и которые выражает, либо помочь нам обнаружить ее, когда общественное мнение, смущенное и нерешительное, уже не знает, какой эта цель должна быть»¹⁹. Сегодня в принципе определился – и в общественном мнении, и на институциональном уровне – тот тип личности, к которому целесообразно вести белорусскую молодежь. Доминирующими качествами в нем являются патриотизм, толерантность, инновационность и креативность мышления, коллективизм, мобилизованность, установка на социальный порядок и стабильность, на здоровый образ жизни, разумное сочетание личных и общественных интересов. Однако

¹⁸ Дюркгейм Э. Социология... С. 258.

¹⁹ Там же. С. 259.

социализация может быть успешной только при правильном выборе средств, оптимальном сочетании каналов социализации (семьи, школы, СМИ, влияний окружающей среды и др.), формировании стабилизационного сознания. Все это объективно требует расширения социологического образования, более конкретно: а) замены неопределенного предмета «Человек. Общество. Государство» на социологию в средней школе; б) увеличения количества часов по социологии в высших и средних учебных заведениях; в) введения спецкурсов в соответствии с профилем специальности: социологии здравоохранения и медицины в медицинских вузах, социологии образования – в педагогических, социологии села – в аграрных, социологии культуры – в вузах культуры, искусства и т. д.

Социология как форма стабилизационного общественного сознания. Социологию принято относить к числу публичных наук. Действительно, некоторые ее результаты привлекают всеобщее внимание: рейтинги политических лидеров и партий, электоральные предпочтения, данные об умонастроениях и ожиданиях разных категорий населения, оценки важных событий и государственных решений, общественное мнение о стратегических направлениях развития, векторах международной политики и интеграции, отношение к тем или иным теле- и радиопрограммам, передачам, печатным органам, предложения населения по разным проблемам повседневной жизни, спрос на товары и услуги и др. Все это важная часть социологической работы и от ее качественного выполнения зависит степень самопознания обществом самого себя, а значит, и социальные настроения людей. Социологические опросы действительно обладают свойством «самоосуществляющегося прогноза», и в этом их большая сила и огромная ответственность науки. Но ошибочно полагать, что опросы «создают» общественное мнение. Нет, общественное мнение формируется по своим законам и существует в самых разных формах. Например, никто не изучал общественное мнение о Хрущеве или Брежнев, но оно постепенно сформировалось и к концу их деятельности стало весьма устойчивым, хотя выражалось главным образом в анекдотах, карикатурах, аллюзиях (намехах) и т. п.

Но социология в современном мире является и *особой формой общественного сознания*, она связывает высшие уровни (философскую метафизику, религиозную трансцендентность, этическую императивность, эстетический идеал прекрасного) со сферой повседневности, переводя высокую символику в ценностно-смысловые определения конкретного социума, приемлемые для каждого человека. Так создается картина социальной реальности, возможная для данной эпохи, которая и является основой мировоззрения. Особенность данной формы общественного сознания в том, что это *стабилизационное сознание*, которое выражает общую интенцию к поддержанию стабильности, динамической устойчивости социума и поиск инновационных путей повышения его жизнеспособности. В решающей для перспектив развития общества точке бифуркации, понимаемой как столкновение «старого» и «нового», стабилизационное сознание не уничтожает «старое» («до основания, а затем...»), а стремится утилизировать его путем «обновления». Если допустима такая аналогия, то можно сказать, что оно действует так, как православие на Руси во времена Владимира в отношении многих языческих традиций, обрядов и верований, которые ассимилировались и включились в христианское мирозерцание.

Социологическая загадка ю. в. андропова. Ю. В. Андропов, как пишут биографы и мемуаристы, оставил немало загадок. Думается, это связано с тем, что многие его начинания – идеи и практические дела, не укладывающиеся в привычные стандарты, – не были доведены до задуманной автором цели и поэтому оставляют впечатление тайны, или двойного смысла. Одной из таких загадок является высказывание Андропова о том, что мы плохо знаем общество, в котором живем. Это была не только критическая, но и по тем временам достаточно крамольная мысль. Многие были в растерянности: как так – «не знаем», а какое же общество мы тогда строим? Стали говорить, что Андропов ошибся, что ему эти слова «вписали» и т. п. Все это, конечно, были домыслы – приведенная фраза содержалась не в каком-нибудь зарубежном

таблоиде, а в теоретическом докладе, посвященном памяти К. Маркса. Не корректны и предположения, что это был рассчитанный удар по отдельным лицам из высшего эшелона власти, которые могли быть связаны с фигурантами начавшихся громких судебных процессов (Щелкова, Трегубова, «хлопкового дела» и др.). Очевидно, что подобная направленность была бы в докладе и не к месту, и неоправданно возбуждающая общественность. Остается признать, что Андропов знал и был уверен в том, что говорил, ведь он был самым информированным в стране человеком и аналитиком.

Действительно, социологический анализ показывал, что созданный при Брежневе образ социализма – реального, развитого, зрелого – оставался мифологемой, далекой от реальности. Тем более, что о недостатках, авариях, срывах поставок и планов запрещалось сообщать не только в СМИ, но и самому Брежневу, чтобы не огорчать. По словам М. Н. Руткевича, бывшего директора головного академического института в 70-е годы и нашего земляка, «изучение общественного мнения фактически оказалось под запретом: власть не хотела знать правды о настроениях народа и, прежде всего, правды о себе»²⁰.

У Андропова не было причин – ни семейных, как у Брежнева, ни политических, как у Хрущева, – бояться правды о себе, и есть все основания считать, что он хотел и принял бы определенные меры для того, чтобы устранить пробелы в познании «общества, в котором мы живем». Но остается вопрос, насколько отчетливо он понимал, что как без физики невозможно знать строение вещества, так и без социологии – состояние конкретного общества. Судя по предпринятым в то время мерам по отлавливанию прогульщиков, туеядцев, летунов и т. п., он делал ставку больше на дисциплинарные методы, чем на рекомендуемое социологией мотивирующее управление. Кстати, сегодня у нас никто не проверяет, почему в дневное время посетители магазинов, кинотеатров, кафе и ресторанов, спортзалов не на работе, а тем не менее интенсивность трудовой деятельности на порядок выше, чем в те годы. К тому же были проблемы гораздо важнее, сложнее и первостепеннее. Острейшая из них – подспудное нарастание десоциализации в ряде регионов страны. Фактически формировался странный общественный уклад, не имеющий не только социалистической, но и вообще какой-либо цивилизационной сущности, который можно назвать «реципрокным», т. е. построенным на основе принципа «услуга за услугу». Кассир брал мзду с продавца за продажу ему билета на поезд (а мог бы и не продать: нет и все, как проверишь), продавец с кассира – за товар из-под прилавка и далее по цепочке: сантехник, милиционер, учитель, врач, управдом, депутат и т. д. и т. п. Однако из этой «теневой» схемы выпадали все те, кто не мог оказать какие-либо услуги по должности, т. е. без затраты личных усилий, как тот же кассир и другие должностные лица. Крестьяне, рабочие, пенсионеры, домохозяйки, студенты вынуждены были расплачиваться за такого рода услуги своим трудом. Неслучайно после распада СССР в некоторых суверенных республиках возникли острые конфликты между «своими» («чужих» они выдавили) по поводу несправедливости, коррупции, клановости и т. п. Характерно, что и сегодня власти, как, например, в Грузии, ставят неверный диагноз и вместо того, чтобы осознать явление реципрокности и бороться с ним, ищут внешние причины и источники конфронтации.

Нам приходилось бывать в таких регионах с научными целями: наш отдел, как теперь говорят, «выиграл тендер» на проведение социологического исследования на крупном рыбохозяйственном комплексе одной из республик. Для социологического взгляда элементы реципрокности (особенно по сравнению с ситуацией в БССР) бросались в глаза. Но ни местное руководство, ни СМИ их словно не замечали.

Андропов полагался на другие источники информации, которые, однако, не зафиксировали появление и нарастание реципрокного уклада. Да это и нельзя было сделать без глубокого мониторингового социологического анализа.

²⁰ Руткевич М. Н. Социология, власть, общественное мнение // Социс. 1993. № 7. С. 4–5.

С полной уверенностью можно утверждать только одно: если бы в те годы восторжествовал социологический подход к анализу общества и разрешению на этой основе всех тех проблем, которые накопились в период «застоя» с постепенным реформированием государственного устройства, социальной сферы, национальных отношений, экономических механизмов и стимулирования труда, Советский Союз не распался бы.

Кому не нужна социология? (доказательство от противного.) Доказательство от противного представляет собой некоторый мысленный эксперимент, при котором в исследуемую модель искусственно вводится параметр виртуальной абберации. Например, утверждается, что параллельные прямые пересекутся, или скорость звука будет меньше/больше $1/3$ км/с²¹, и анализируются последствия с выводом о том, что подобное невозможно.

Говоря о социологии, нет смысла задавать гипотезу: «Допустим, что социологии нет...» История сама поставила такой «натурный эксперимент» в ряде стран: в Китае длительностью 25 лет, в СССР – почти 50 лет. Что же произошло за эти годы в СССР? При всех столь впечатляющих успехах (победе в Великой Отечественной войне) нельзя не отметить, что общество постепенно теряло ценностно-смысловую ориентацию «Quo vadis?» («Куда идешь?»). Неразвитость социологического стиля мышления, отсутствие социологического взгляда на мир и конкретных данных о мотивациях, ожиданиях, настроениях разных групп и категорий населения формировали некую иллюзорную картину социальной реальности, в которой парадоксально сочетались, с одной стороны, правильные теоретические положения, но в форме неизменяющихся постулатов, с другой – «левацкий волюнтаризм»: «что хотим – то и сделаем, что сделаем – то и будет истинно (правильно)». Общественное сознание невольно догматизировалось, на индивидуальном уровне возникали явления мимикрии, поскольку рядовому человеку трудно было понять, почему сохраняются неизменными некоторые положения, явно расходящиеся с жизнью (например, в области оплаты труда, распределения и потребления и т. д.). В качестве базовой дисциплины в вузах вместо социологии был введен «научный коммунизм», дисциплина без предмета, ибо даже на модельном уровне параметры коммунистического общества (организация производства, тип экономического уклада, форма государственного устройства и др.) не были четко прописаны, исходя из принципа «каждому по его потребности». Хрущевский проект построения коммунизма к 1980-м годам вызвал не мобилизацию, а скорее смущение и иронию со стороны общественного мнения. Система управления (особенно во времена Хрущева) испытывала перегрузки и рассогласование в силу плохо поставленной обратной связи и многочисленных кампаний, которые начинались как новшества, а завершались ничем. Брежнев ликвидировал два наиболее перспективных начинания: прекратил косыгинскую реформу и заморозил общественное сознание, т. е. остановил поиски в области общественных наук и идеологии в направлении, получившем позже название «китайский путь». Постепенно были выхолащены и сведены на нет такие эффективные инновации, как «щекинский метод», «бригадный подряд», «коэффициент трудового участия», «социальное планирование» и др.

Возможен вопрос: а причем здесь социология? А при том, что все подобные псевдоинновации и контрреформы проистекали из плохого знания общества как объекта управления, а главное – из отсутствия соответствующей познавательной установки, которая закладывается в период обучения. Для аналогии: можно ли представить, чтобы у человека, незнакомого с геометрией, возникло желание самому измерить свой дачный участок, особенно если он не прямоугольной, а криволинейной формы. Но можно рассмотреть и более конкретные примеры.

²¹ На этом приеме создана одна из замечательнейших книг по естествознанию (К. Гильзин. В необыкновенном мире. М., 1974).

Антиалкогольная кампания М. С. Горбачева. Решение о начале в 1985 г. этой кампании, как теперь известно, принималось под влиянием идеолога Лигачева, доктора медицины Углова и некоторых ближайших советников. Она обернулась катастрофическими последствиями в экономике (огромные потери бюджета, всплеск самогонварения, бутлегерства (англ. – контрабанда спиртного), фальсификации напитков, спекуляции и пр.), стала серьезным ударом по здоровью населения (потребление суррогатов, бесконечные очереди на отоваривание талонов: две бутылки водки в месяц для мужчин и две вина – для женщин). Если бы в разработке подобной программы участвовали социологи, то, во-первых, был бы проанализирован и доведен до сведения населения опыт введения «сухого закона» в США и других странах, который – увы (!) был отрицательным. Во-вторых, был бы проведен грамотный анализ общественного мнения (вместо неопределенных ссылок на «множество писем и жалоб») с учетом демографических категорий, национально-культурных особенностей разных республик и регионов, профессиональных и статусных групп. В-третьих, со всей тщательностью были бы изучены предложения населения – в разрезе категорий, регионов, профессий. В-четвертых, была бы проведена социологическая экспертиза с участием ведущих медицинских специалистов, технологов-виноделов, работников общественного питания, организации культурно-массовой работы, спорта и т. д. И, наконец, программа была бы названа иначе, например «Повышение культуры потребления и снижения злоупотребления алкоголем».

Возможно, понадобился бы референдум, но не о сухом законе, а о профилактике распространения питьевых обычаев среди молодежи, улучшении качества напитков, формировании культуры застолья, методах лечения больных и т. д. Нет сомнения, что сам факт совместного обсуждения этих проблем руководством страны и населением стал бы важным стимулом для самоконтроля и самоограничения. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но в аналитической работе это допустимо и полезно – для извлечения опыта, ибо отрицательный результат – тоже результат.

Феномен «дедовщины». ЧП в Челябинском танковом училище, где «деды» искалечили рядового Андрея Сычева в казарме, потрясло Россию. СМИ уделили самое пристальное внимание этой трагедии и «дедовщине» как явлению. Но на вечный вопрос – что делать? – нет ответа, более того, нет и достаточной аналитической информации для поиска эффективных путей ее искоренения. На одной из телепередач с участием депутатов Госдумы России высказывались следующие мнения: 1) «надо повышать зарплату офицерам»; 2) «причем здесь деньги, в наше время офицеры получали не больше нынешних, но ничего подобного не было»; 3) «контрактная система автоматически избавит от дедовщины»; 4) «но армия будет состоять из беглецов и бедных»; 5) «необходимо отменить льготы и призывать в армию студентов»; 6) «студентов призывать нельзя, ибо нарушится подготовка кадров для науки и народного хозяйства».

Однако никто не сослался не только на классическую работу социологов «Американский солдат» (П. Лазарфельд, Г. Стауффер и Л. Гутман), в которой дан анализ установок, мотиваций, предрассудков в столь разношерстной по этническому, социальному, конфессиональному составу армии США, но и на работы военных социологов России или стран СНГ. А все-таки, каково общественное мнение по этой проблеме и путях ее решения, что думают по этому поводу сами старослужащие, офицеры, новобранцы – никаких ответов, т. е. достоверных социологических данных по этим вопросам в публикациях и передачах нам обнаружить не удалось. Зато приведена следующая информация: «Согласно недавно проведенному нашей газетой исследованию, 63 % опрошенных россиян готовы именно таким манером платить «любые» деньги» (КП, 08.02.2006 г.). Имеется в виду платить не врачу или работникам военкомата за «отмаз» от армии, а государству за официальное освобождение от службы. Но не ясно, что это за исследование, какова его выборка, инструментарий и другие параметры, насколько правомерно распространять данные опроса на всех россиян, а не говорить, например, о 63 % из тех, кто написал в газету. Если исследование организовано грамотно, то приве-

денная цифра настораживает, если не сказать больше. Из опыта известно, что журналистские опросы, как правило, не имеют отношения к социологии, кроме самого термина «опрос», и не соблюдают методических требований и норм социологической этики.

К сожалению, о довольно крепкой в СССР военной социологии ничего не слышно в военных ведомствах стран СНГ. Так, в интервью «АиФ» начальник военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь, полковник Игорь Игнащенко рассказал о достижениях военной науки (21 доктор, 235 кандидатов наук), о приоритетных направлениях исследований. Здесь же отмечено: «Уделяется внимание теории различных видов (боевого, морально-психологического, тылового, технического) обеспечения» (АиФ, № 6). Как видим, морально-психологическое обеспечение не входит в число приоритетов, ему лишь «уделяется внимание», скорее всего, по остаточному принципу. К счастью, в Беларуси нет трагических проявлений «дедовщины», но это не значит, что военную науку о человеке и воинском коллективе можно отнести к периферийным. Техника, тактика, управление сами по себе не создают высокой боеготовности. Выполнит ли реальную боевую задачу воинское подразделение, зараженное бациллами «дедовщины», в котором «салаги» будут ждать случая рассчитаться с «дедами», – вопрос риторический. Именно поэтому необходимо придать новые импульсы развитию военной социологии, тем более что угрозу войны в сфере сознания (консциенциальной) не стоит недооценивать. В определенном смысле она и не прекращалась, вопреки заявлениям о завершении так называемой холодной войны, лишь поменяла свои формы, средства и методы.

Технологичность теоретического знания социологии. Под технологичностью теоретического знания можно понимать его практический потенциал, позволяющий преобразовывать материал, данный природой и изменять формы мышления, повседневные практики общения людей и их поведение, характер общественных отношений и т. д. В первом случае речь идет о технологиях, создаваемых на основе естественнонаучного знания, во втором – о социальных технологиях, использующих результаты социогуманитарных наук. Мост между ними образуют математика, информатика и лингвистика.

В широком смысле слова достоверное теоретическое знание всегда полезно и практично. Оно, с одной стороны, очерчивает поле деятельности и дает необходимый инструментарий, с другой – предостерегает от бесплодных усилий, указывая, что не следует делать: изобретать «вечный двигатель», организовывать «производство ради производства», создавать концепции «избыточности образования», «бесперспективных поселений», вводить «сухой закон» и т. д. и т. п. К. Поппер писал: «Моя позиция в отношении технологического подхода состоит в том, что социология, а может быть, и вообще все социальные науки должны искать не столько «своего Ньютона или Дарвина», сколько своего Галилея или Пастера»²². Имеется в виду, что социология должна заниматься не поиском общих законов, а решением конкретных актуальных проблем. Отсюда и обращение автора к успешным методам, которые он называет «поэлементной технологией». Тем самым Поппер нашел некоторый компромисс: отвергая притязания социологии на «переустройство общества как *целого*»²³, он допускает «поэлементные технологии», которые в развитых странах встречаются на каждом шагу. С его точки зрения, специалист по «поэлементным» реформам «знает, что мы учимся только на своих ошибках. Соответственно этому, он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы; он будет избегать сложных и масштабных реформ»²⁴. Все это так, однако ясно, что любая поэлементная реформа (например, налоговая, образователь-

²² Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 70–71.

²³ Там же. С. 78.

²⁴ Там же. С. 79.

ная, пенсионная и др.) направлена в конечном счете на сохранение целостности и неизменно преобразует все общество как целое. Это вытекает из общего принципа системности. Предложенное автором деление технологических социальных проблем на «приватные» и «публичные» проведено не по одному основанию. Следовало бы выделять следующие проблемы:

а) частные (приватные) и общие; б) закрытые и публичные (гласные, открытые). Вместе с тем К. Поппер утверждает: «Технологический подход плодотворен именно в применении к чисто теоретическим проблемам. Он помогает решить фундаментальную задачу выбора проблем, он дисциплинирует спекулятивные наклонности (легко уводящие, особенно в социологии, в сферу метафизики), поскольку подчиняет теории определенным стандартам, таким как ясность и практическая проверяемость»²⁵. Под социологией здесь имеется в виду скорее социальная философия с естественным для нее уклоном в метафизику. Что же касается социологии, то о технологичности теоретического знания можно составить представление из некоторых примеров.

1. *«Диада» как исходная форма социальности.* Социология отвергла популярные в политэкономии модели Робинзонады (А. Смит, Д. Рикардо). Утверждая, что исходной формой социальности является «диада» (двойка), теоретическая социология установила, что целостность и устойчивость данной формы определяется степенью согласованности взаимных ожиданий, когда ориентации на «другого» являются мотивом и целью для каждого из участников взаимодействия. Этот теоретический вывод стал основой для разработки социальных технологий комплектования экипажей самолетов, космических кораблей и т. д.

2. *Общественное разделение труда.* Разделение труда социологи (Спенсер, Ковалевский и др.) связывали с дифференциацией, а значит, с повышением силы и жизненности сообщества за счет разнообразия. По Дюркгейму, разделение труда есть *modus vivendi* (способ существования) сообщества и основа органической солидарности его членов. Это фундаментальное положение, но оно создается, как правило, лишь тогда, когда возникают диспропорции в кадровом обеспечении определенных видов деятельности, отраслей, ведущее в силу нарушения органической солидарности к росту социальной напряженности в обществе.

3. *Теория социальной мобильности.* Основные положения теории социальной мобильности разработаны П. Сорокиным. Творческие импульсы данной теории побудили к тому, чтобы пересмотреть представления об оптимальности социальной структуры и ее влиянии на стабильность общества. Напомним, что согласно доминировавшей многие века парадигме, стабильность общества детерминируется воспроизведением во времени одних и тех же социальных структур. На этом основании возник и получил сакральное оправдание кастовый строй с непроницаемыми перегородками между кастами; сословное деление с огромной социальной дистанцией между сословиями и т. д. Теория социальной мобильности установила, что ограничение социальных перемещений, консервация предзаданных структур не укрепляет, а наоборот, дестабилизирует общество, снижает его социальный и человеческий потенциал. Именно эти теоретические знания направляют инновационный поиск путей регулирования социальных перемещений, создание открытого общества.

Социология – источник оперативной информации. Как и другие социальные науки, социология призвана удовлетворять информационную потребность социальных субъектов – государства и его органов, гражданского общества, отдельных граждан.

Под социологической информацией понимаются обобщенные, систематизированные, аналитические данные (сведения для потребителей) о состоянии и тенденциях изменения общества как целостной системы (страны-государства), его отдельных сфер и структур, конкретных институтов, учреждений и организаций, а также об основных параметрах массового

²⁵ Там же. С. 70.

сознания (настроениях, ожиданиях, установках, ценностях, идеалах, предрассудках и т. д.) и повседневного поведения (типичных формах общения, социальных действий, интерактивности). От других видов информации – политической, технической, естественнонаучной, экономической, правовой и т. д. – социологическая отличается рядом особенностей. Во-первых, принципиальной обращенностью к человеку: человекоразмерностью, человекоотнесенностью, человекоориентацией. Фактически этот признак является атрибутивным, при его отсутствии информация теряет свою природу социологичности. Например, организационная структура предприятия, представленная графически (руководство, состав подразделений и служб, линии иерархии и координации и т. д.), является «безлюдной»; неслучайно при строительстве новых предприятий она проектируется задолго до того, как рабочие места займут соответствующие специалисты. Социолог «оживляет» эту схему, характеризуя: а) состав коллектива как соотношение работников по полу, возрасту, профессиям, образованию и т. д.; б) статусно-ролевые позиции с точки зрения единства прав и ответственности, возможности делегирования полномочий, субординации и пр.; в) ролевые ожидания – их согласованность (индивид – коллектив), приемлемость для людей и подразделений, оптимальность (хотя бы по числу фиксируемых конфликтов и способов их разрешения) и др.

Статистические данные о динамике цен – это чисто финансовая информация. Она не только абстрагирована от человека, но и далеко не всегда расшифровывается для непосвященных, о чем свидетельствуют такие грандиозные аферы, как «МММ», «беспроигрышные лотереи», «управляемый» дефолт и пр. Социологическая информация по данной проблеме должна включать как минимум экспертные оценки правомерности и честности тех же пирамид, что обещал Мавроди и ему подобные; ожидания населения, «источник веры» людей (теперь ясно, что, например, вкладчики МММ верили не Мавроди, а правительству, государству). Эти примеры показывают специфичность человеческой природы социологической информации, отличающую ее от других видов сообщений.

Вторым признаком является аксиологический характер социологической информации: она всегда несет ценностно-смысловую нагрузку, чем отличается не только от технической информации, но и от социальной статистики. Статистические данные, например, о браках и разводах, о миграции и выборе профессии (поступлении в учебные заведения), семейном бюджете в определенном смысле информативны, но не аналитичны, если не раскрыты факторы, причины, мотивы этих процессов и явлений.

Третий признак – учет и представленность общественного мнения как совокупности оценочных суждений всего населения, конкретных социальных групп и категорий по наиболее важным проблемным вопросам, событиям, решениям, стратегическим выборам, а также электоральных предпочтений, степени доверия к органам власти и социальным институтам, о конъюнктуре рынка, рейтингах теле- и радиопрограмм и передач, печатных СМИ, спросе на товары и услуги и др.

Не вдаваясь в детали, подчеркнем главное, а именно, что адекватную, достоверную социологическую информацию можно получить только путем грамотно поставленных профессиональными специалистами социологических исследований. Глубоко ошибочно представление о том, что такую информацию могут дать другие источники, как и то, что организовать социологические исследования можно своими силами.

1.2. Vox populi, vox dei (о реальности общественного мнения)

Одной из значимых примет 1990-х годов на постсоветском пространстве можно назвать оживление и существенное повышение роли общественного мнения. «Внезапно (как будто внезапно) и наверху и внизу резко изменилось отношение к общественному мнению как социальному институту»²⁶. Примеров тому более чем достаточно: в политической сфере – это все более острая борьба за голоса избирателей, спрос на социологические прогнозы выборов, появление новых для нас технологий; в бизнесе, предпринимательстве – развитие маркетинговых исследований, в основе которых опросные методы; вынесение на суд общественности таких аномальных явлений, как наркомания, неуставные отношения в армии и т. п.

Но именно в эти годы отмечается всплеск нигилизма в оценке общественного мнения. Так, в книге французского социолога П. Бурдьё «Социология политики» один из разделов недвусмысленно назван «Общественное мнение не существует», здесь автор опровергает постулат о том, что «производство мнений доступно всем». Известный специалист по социологии США заявил: «Знаю я их общественное мнение, что надо, то и выведут». Электорат обвиняют в отсутствии «признаков гражданственности и реалистического понимания стоящих перед страной задач»²⁷; в том, что он «руководствуется лишь простыми интересами – злобой и завистью»²⁸ и т. д.

Если углубиться в историю, нетрудно обнаружить огромное число ниспровергателей той идеи, которая выражена в вынесенной в заголовок крылатой фразе времен Древнего Рима «Глас народа – глас божий». В их числе Ницше, Ортега-и-Гасет, Кьеркегор, Гуссерль, авторы теории элит – Парето, Моска и др.

Для социологии общественное мнение не просто важный источник информации о настроениях и чаяниях людей или социальный институт, определяющий и поддерживающий нормативную систему общества. С теоретической точки зрения общественное мнение – главный конструкт тех парадигмальных подходов, которые возвышают личностное начало, человека как меру всех вещей (включая и социальный порядок), как субъекта истории. Никто лучше социолога не знает, сколь неоднозначно и переменчиво бывает общественное мнение. Оно не нуждается в идеализации, но и не заслуживает отрицания, даже ради благих целей. К счастью, этого и нельзя сделать: можно, например, не замечать погоду, но она есть вне зависимости от человеческих желаний, объективно. Все это побуждает еще раз обратиться к методологическим проблемам общественного мнения²⁹.

Двойственная природа мнения. Термин «мнение» по своему происхождению не является социологическим, он заимствован из философии, имеет давнюю историю и довольно сложную судьбу. В древнегреческой философии «мнение» (doxa) и «знание» (episteme) – основные категории теории познания. Для Сократа мнение – не ступень познания истины, а проявление некоторой диспозиции самого человека (верования, предрассудки, предрасположенности и т. п.). Поэтому он отстаивает казалось бы парадоксальный тезис, что «даже правильное мнение не есть знание». Но парадокса нет, если согласиться, что мнение лишь случайно может совпадать со знанием (истиной). (Например, если при сдаче экзамена на компьютере студент из десяти подсказок на первый вопрос угадывает ту единственную, которая

²⁶ Есть мнение / Под ред. Ю. А. Левады. М., 1990. С. 7.

²⁷ Информ. бюл. ВЦИОМ. 1998. № 4. С. 13.

²⁸ Деловой вторник. 2000. 25 июля.

²⁹ См.: Грушин Б. Есть ли у нас общественное мнение? // Новое время. 1988. № 30.

правильна, то это не говорит о его знании предмета. Вероятность угадывания правильных ответов на 20 вопросов без знания предмета ничтожна.)

У Платона мнение относится не только к субъекту, но и к объекту: оно занимает промежуточное место между знанием и незнанием, и на онтологическом уровне ему соответствует чувственный мир, область зримого. Соответственно мир мнений делится на две области: веры и догадки. Аристотель еще больше приближает мнение к знанию, в его системе категорий *doxa* (мнение) есть вероятностное знание. Поскольку его посылки не необходимы, то такое знание-мнение не надежно, допускает ложный вывод, может быть как верным, так и неверным.

В Новое время, когда философия пришла к четкому выделению двух уровней познания, категория «мнение» потеряла свой гносеологический статус. На первом уровне инструментами познания стали ощущение, восприятие и представление, на втором – понятие, суждение и умозаключение. Неслучайно немецкий философ Э. Кассирер в работе «Опыты о человеке», приводя слова Марка Аврелия «Мир – изменение, жизнь – мнение», отмечает следующее: «Термины убеждение (*affirmation*) или суждение (*judgement*) кажутся мне более подходящими к мысли Марка Аврелия, чем мнение (*opinion*), хотя именно последний термин используется во всех мне известных английских переводах. Мнение (платоновское *doxa*) содержит момент изменчивости и неочевидности, не предусмотренный Марком Аврелием»³⁰. Однако М. Аврелий – философ, а не теолог. Его нравственные наставления не совместимы с ортодоксией, догматизмом. «Все, что ты видишь, – учил философ-император, – подлежит изменению и вскоре исчезнет. Размышляй постоянно и о том, скольких изменений ты уже был свидетелем. Приспособляйся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить»³¹. Эти мысли, как нам представляется, соответствуют максиме «жизнь – мнение».

Социология восприняла философское учение о двойственной природе мнения. Суть его в том, что мнение одновременно выражает и диспозиции того человека, который его высказывает, и по-своему отражает предмет мнения (объект, явление, событие, другого человека). Перед социологией стала принципиально новая задача – измерение мнений, анализ общего мнения, т. е. общественного мнения во всех его деталях, разрезах и подробностях с использованием специальных методов и математико-статистических приемов. В социологии существуют следующие определения понятия «мнение».

1. *Мнение* – вербальный факт или факт вербального поведения, выражающий в логически правильной форме некоторое смысловое содержание. П. Бурдьё подчеркивает, что под мнением он на протяжении всего анализа понимал «то, что может быть сформулировано в виде высказывания с претензией на связность»³². Но «претензии на связность» недостаточно, требуются логическая и смысловая определенность, релевантная нормам языка и т. п. («жареный лед», «круглый квадрат» – связные, но бессмысленные высказывания.) Тем не менее для опросных методов понимания мнения как вербального факта вполне достаточно. С той лишь оговоркой, что существуют и другие способы выражения мнений. Когда, например, зрители молча покидают кинозал – «голосуют ногами» – никто не усомнится в их отрицательном мнении о фильме. Особая тема – расхождение между вербальными фактами и «молчаливым мнением». Всему этому есть свои причины и социолог всегда пытается их понять, не полагаясь только на высказывания респондентов.

2. *Мнение* – оценочное суждение о проблемах (событиях, явлениях) действительности. Это наиболее распространенное в социологической литературе определение, в нем все термины осмыслены и поддаются верификации. Суждение – утверждение существования пред-

³⁰ Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 519.

³¹ Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., 1964. С. 119–124.

³² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 177.

мета мнения, оценка – его субъективное восприятие, проблемность – неоднозначность решения, с одной стороны, и актуальность – с другой. Если нет проблемной ситуации, мнение излишне, в этом случае оно переходит в знание, можно сказать, растворяется в нем, придавая знанию некоторый эмоциональный заряд.

3. *Мнение* – отношение людей к объектам, явлениям и событиям действительности. Как видим, здесь объем понятия заметно расширяется и охватывает любые акты поведения, выражающие отношение человека к чему-то. Еще раз отметим, что существует много как прямых, так и символических действий, представляющих мнение людей. Среди прямых такие, как бойкот товаров, участие в массовых действиях, сбор средств, членство в партиях и т. д. К символическим относятся, например, различные значки, повязки, флажки, а также акции типа «Зажги свет», «Поставь свечу» и др. Анализ невербальных действий – важная часть изучения общественного мнения путем наблюдений, бесед и других методов.

4. В маркетинговых исследованиях под *мнением* понимают определенную категоризацию покупательских потребностей, характеризующих состояние и динамику платежеспособного спроса. В таких исследованиях мнение – характеристика субъекта. Действительно, если бы мнения касались только внешней оценки объектов, в данном случае товаров, то опросы населения потеряли бы смысл: простые люди не могут оценить качество товаров лучше, чем специалисты. Но эксперты-товароведы не могут знать вкусы, привычки, предпочтения людей и не могут прогнозировать их поведение на рынке. «Предрасположенность, по определению П. Бурдьё, – не есть мнение»³³. А как назвать готовность человека тратить силы и время в поисках какого-то определенного товара, например, любимого чая? Если это не мнение, то видимо лишь потому, что никто не задал такой вопрос. Когда человек говорит: «Мой любимый чай такой-то», – это без сомнения связное высказывание, т. е. мнение. Также и в политике: избиратель ждет, ищет кандидата, образ которого у него есть хотя бы в общих чертах, и голосует за «похожего» или не голосует ни за кого. Этот образ и есть некоторый синтез личных и групповых предрасположенностей. То, что они не всегда вербализуются, не значит, что они не существуют как факт индивидуального и коллективного сознания. При методически корректной формулировке вопроса этот образ может быть достаточно точно описан словами, как портрет предпочитаемого кандидата. Главная методическая сложность социологических опросов в том, что прямые вопросы, как правило, не поддаются валидизации. Так, для оценки потенциального числа потребителей снотворного не подходит прямой вопрос «Купите ли вы снотворное?», но приемлем вопрос «Как Вы обычно засыпаете – легко или с трудом?»³⁴. При изучении управляемости малых коллективов (бригада, отдел, спортивная команда) прямой вопрос «Как Вы оцениваете управляемость вашего коллектива?» методически не корректен, поскольку понятие «управляемость» требует объяснения и может толковаться по-разному. Более адекватной является шкала из трех простых вопросов, касающихся откровенности восходящей информации от подчиненных к руководителю.

5. И наконец, мнение можно определить как интерпретацию мира повседневности. «Повседневность, – по словам А. Шюца, – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия переживания мира, возникающей на основе трудовой деятельности»³⁵. В мире повседневности человек руководствуется не готовым и точным знанием, а своими интерпретациями всего того, с чем он имеет дело, и эти интерпретации, точнее, их результаты, и есть его личное мнение. Зная, например, что Земля вращается вокруг Солнца, человек живет по Солнцу – такая интерпретация в круге повседневности ему привычна, удобна и достаточна. Тем самым вопрос, у каждого ли человека есть мнение, отпадает сам собой.

³³ Бурдьё П. Социология политики. С. 177.

³⁴ См.: Ноэль Э. Массовые опросы. М., 1978. С. 254.

³⁵ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2. С. 131.

Можно лишь выяснять, каков этот мир повседневности и, соответственно, круг мнений у того или иного человека. В благополучных странах политика для простых людей скорее периферийное, чем главное дело, – отсюда и представление, что не у всех есть мнение о политике.

Итак, мнение как понятие имеет двойственную природу, оно отражает как внутреннее диспозиции, так и повседневный мир, который человек осваивает практически, опытным путем. Человек владеет этим миром, и в этом смысле знает его, ибо его мнения-интерпретанты позволяют успешно приспосабливаться к обстоятельствам и вместе с тем приспосабливать обстоятельства к себе, а в конечном счете – действовать правильно и достигать жизненных целей.

Мнение рождается в голове отдельного человека, но, как и всякое идеальное образование, обладает свойствами трансляции, заражения, подражания, заимствования, а также, что особенно важно, способностью индуцировать, как говорил Платон, «догадки», т. е. мнение обладает самообучением, что на уровне общественного мнения становится решающим фактором.

От единичного (лучше «от частного») к общему. Общественное мнение обычно представляют как сумму мнений индивидуальных. В этом нет злого умысла, такое представление – результат привычных языковых и логических схем, хотя оно может использоваться в неблагоприятных целях, на что обратил внимание П. Бурдьё. Так, выборы считаются состоявшимися, если явка избирателей составила не менее 25 %. В таком случае 80 % «за» при 25 % проголосовавших, это не большинство, а только 20 % населения с правом голоса. Можно ли в подобных ситуациях говорить об общественном мнении? Однозначного ответа на этот вопрос нет, известно, что в некоторых странах минимум явки повышается до 50 %, вводится обязательное участие с высокой ответственностью за неявку. Вместе с тем с теоретико-методологической точки зрения общественное мнение не суммативно, хотя именно к такому выводу подталкивает хорошо известный каждому процесс голосования. Может показаться, что при единодушном голосовании образуется заветное «единое» мнение. На самом деле это не единое, а лишь одно мнение. Именно здесь и возникает аберрация суммирования: с формальной, статистической, позиции такое мнение можно считать общим, поскольку голосовали все, но с содержательной – в нем нет того, что отличает общественное мнение – совместности (Гегель), личного участия и ответственности каждого.

Представления о демократии как арифметическом большинстве, которому должно подчиняться меньшинство, сугубо количественные, поверхностные. Суть демократии не в этом, а в том, чтобы общими усилиями находить наилучший способ решения проблемы. Поскольку такой способ может предложить и меньшинство (даже один человек), то задача состоит в непротиворечивом интегрировании меньшинства в «совместность». В подлинном, содержательном, смысле слова общественное мнение – полный набор возможных альтернатив, кем бы они не выдвигались, и выбор тех из них, против которых никто не выступает. Это важно: не тех, которые поддерживает большинство, а тех, против которых не возражают. Такое понимание общественного мнения позволяет обществу постепенно преодолевать идейные противоречия в массовом сознании, обретая стабильность, взаимопонимание и терпимость. Общее, по словам известного советского философа Э. В. Ильенкова, это «закономерная связь двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не только номинального единства»³⁶. Следовательно, общее – не сумма, а закон или принцип связи единиц и частей в составе целого. Этот вывод особенно нагляден применительно к общественному мнению. По любому вопросу есть множество мнений, и после голосования люди живут со своими разными мнениями – не только в стране, но

³⁶ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 253.

и в коллективах, семьях. Если решение принято правильно, то мнение со временем переходит в знание. Разные мнения, сосуществуя, взаимодействуя и обогащаясь, постепенно переходят в новое состояние, новое общественное мнение. Это и есть органический способ связи единиц в целом. Стремление же создать «единое» (100 %-ное) мнение ведет к его фальсификации, поскольку те, кто имеет иное мнение, перестают его высказывать.

Предметное поле общественного мнения. Вопреки представлениям об универсальности общественного мнения, его предметное поле существенно ограничено. Во-первых, не может быть общественного мнения о том, что общеизвестно, как дважды два – четыре, как общепринятые нормы и правила поведения людей. Во-вторых, научное знание – это твердо установленные научные факты. Как справедливо отмечал Гегель, «науки же, если они действительно представляют науки, вообще не находятся на почве мнения и субъективных воззрений и не подпадают под категорию того, что составляет общественное мнение»³⁷. Что же касается способов использования научных результатов, то здесь общественное мнение играет все большую роль. Нельзя, например, решать вопрос о строительстве в Беларуси атомной электростанции без учета общественного мнения или вопреки ему. В-третьих, предметом общественного мнения не должны быть нравственные и метафизические проблемы, вопросы религиозной веры, вообще все, что затрагивает чувства и достоинство той или иной категории населения. В-четвертых, в предметное поле общественного мнения не входят события и ситуации, которые не касаются всех и каждого, не влияют на жизнеспособность социума. В-пятых, общественное мнение не затрагивает вопросы, имеющие однозначное решение. В таких ситуациях оно может возникать на короткое время для поддержки уже принятых решений или ускорения готовящихся.

Подлинным плацдармом общественного мнения являются проблемные ситуации, предполагающие выбор одной альтернативы из числа возможных, при том что каждая из них имеет свои положительные и отрицательные стороны. Особенно это заметно в отношении общественного мнения к современным реформам.

В социологических исследованиях необходимо учитывать особенности и ограничения предметного поля общественного мнения. Неспециалистам кажется, что в анкету можно включить любой вопрос, который представляет практический интерес. Как видим, это далеко не так. Социолог не может не учитывать, что, опрашивая людей, он пробуждает интерес и размышления об изучаемых темах, а это связано с соблюдением этических норм социологической работы, в первую очередь с требованием не навредить.

Субстанциальность общественного мнения. Субстанциальность как наличие в явлении, предмете достаточных оснований для самостоятельного бытия, выражения своей особой сущности – наиважнейшая характеристика общественного мнения. «Общественное мнение, – утверждал Гегель, – содержит в себе вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и всеобщее состояние вообще в форме здравого смысла людей как той нравственной основы, которая проходит через все, что принимает форму предрассудка, а также истинных потребностей и правильных тенденций действительности»³⁸. В этой формуле содержатся фундаментальные положения, раскрывающие природу и социальный смысл общественного мнения. Интерпретируя их, необходимо прежде всего учесть, что Гегель, как всегда, имеет в виду понятие общественного мнения, т. е. некоторую абстрактную модель, которая в равной степени присуща и грече-

³⁷ Гегель Г. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 351.

³⁸ Гегель Г. Ф. *Философия права*. С. 352.

скому полису, и новгородскому вече, и маленькому немецкому курфюрсту, и большой стране. Как таковое, т. е. по своей природе, общественное мнение выражает следующее.

1. *Субстанциальные принципы справедливости.* Это значит, что в своем сущностном, «чистом», виде не искаженное сокрытием информации или иными приемами манипулирования общественное мнение не может (не способно) поддерживать несправедливость.

2. *Подлинное содержание и результат государственного строя, законодательства и всеобщего состояния вообще.* Многие правоведы, законодатели не согласны с этим положением, может быть потому так много во всей истории законов, которые не понятны людям и не выполняются ими. Заметим, что для Гегеля государство – это не Прусское полуфеодалное королевство, а идеальная политико-правовая конструкция, «власть разума, осуществляющего себя как волю»³⁹. Это разумное, справедливое и правовое государство, в котором законодательство создается не по усмотрению, а в результате диалога с общественностью. Конечно, простые люди не могут знать, какое государственное устройство теоретически лучше, но они знают то, что соответствует или не соответствует их чаяниям в существующем строе. Кроме того, очевидно, что ни один человек не хочет жить в плохом государстве. Неслучайно Гегель неоднократно приводит ответ пифагорейца Ксенофила на вопрос «Как лучше воспитать сына?»: «Сделать его гражданином государства, в котором действуют хорошие законы»⁴⁰. Но хорошими могут быть только такие законы, которые воплощают всеобщее (разум, нравственность, ценности массового сознания). «Нелепостью было бы, замечал Гегель, навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в собственном развитии»⁴¹.

3. *Здравый смысл людей в качестве нравственной основы как истинных потребностей и правильных тенденций, так и предрассудков.* Это положение позволяет не смешивать общественное мнение с точным научным знанием. Там, где есть научное знание, мнение излишне. Здравый смысл как стихийное сознание практических проблем на основе традиционных представлений и личного опыта не свободен от некритического восприятия, т. е. предрассудков. Часто электорат обвиняют в безнравственности за готовность «одобрить введение экономической инквизиции» (П. Воцанов), за поддержку кандидата-демагога. Однако в такой поддержке есть определенный здравый смысл, который заключается в том, чтобы выразить неудовлетворенность существующим положением вещей и показать, что если ничего не будет меняться к лучшему, то возможен даже такой «безрассудный» вариант. В этом нравственное оправдание так называемого протестного голосования: вероятность ошибки здесь весьма велика, но с точки зрения здравого смысла она может быть компенсирована уроком на будущее для тех, кто не считается с общественным мнением. В отношении общественного мнения к предрассудкам проявляется его двойственная природа. По Гегелю, субстанциальной является внутренняя сторона общественного мнения и только к ней нужно относиться серьезно. Именно это имеется в виду, когда говорят о «зрелом общественном мнении». Как формируется такое мнение, от чего зависит степень его зрелости? Гегель особое внимание обращает на аргументацию: «Общественное мнение было во все времена большой силой, и таково оно особенно в наше время, когда принцип субъективной свободы обрел такую важность и такое значение. То, что должно быть значимым теперь, значимо уже не посредством силы и в незначительной степени как следствие привычки и нравов, а преимущественно благодаря пониманию и доводам»⁴². В современном мире возможность «понимания и доводов» существенно расширилась. Но неизмеримо вырос и арсенал методов манипулирования общественным мнением, что требует введения строжайших правил работы служб PR (Public Relations – связь с публикой), избиратель-

³⁹ Там же. С. 284.

⁴⁰ Там же. С. 207.

⁴¹ Там же. С. 383.

⁴² Гегель Г. Ф. Философия права. С. 352.

ных процедур независимого контроля выборов и др. Отягощенность общественного мнения предрассудками ведет к тому, что оно в своих внешних проявлениях может быть не только глубоким и истинным, но и случайным, невежественным, ложным. В 1780 г. Фридрих II, король Пруссии, поставил перед Берлинской академией наук вопрос: «Полезно ли обманывать народ?» Гегель по этому поводу отмечает: «На это следовало бы ответить, что народ не дает себя обмануть относительно своей субстанциальной основы, сущности определенного характера своего духа, но относительно способа знания им своего духа и суждения его об этом способе, о своих поступках, о событиях и т. д. народ сам себя обманывает»⁴³. Это проницательное высказывание подтвердилось в трагической истории Германии 1930–1940-х годов и во многих других странах. Напрашивается вывод: тот, кто желает добра своему народу, должен оберегать его от самообмана, от утопических прожектов, мифов, ложных иллюзий и предрассудков. «В общественном мнении, – заключает философ, – содержится все ложное и истинное, но обнаружить в нем истинное – дело великого человека. Кто высказывает то, что хочет его время, говорит это ему и совершает это для него, – великий человек своего времени. Он совершает то, что составляет внутреннюю сущность времени, осуществляет его требования»⁴⁴. Субстанциальное в общественном мнении – это дух времени, эфемерное – поверхностные оценки, основанные на стереотипах, внушениях и т. п. Что касается ложного в общественном мнении, то к нему нужно относиться спокойно, даже презрительно. Слова А. Данте «следуй своей дорогой, а люди пусть говорят, что угодно» относятся к такого рода мнению.

Однако прежде чем препарировать общественное мнение (по предмету – о чем? по содержанию – какое? и т. д.), его необходимо узнать, изучить, выявить, зафиксировать. Сегодня призывы отказаться от социологических методов под теми предлогами, что опросы воспроизводят «артефакты», что общественного мнения не существует, что данные можно сконструировать как угодно и т. д., ведут к замене научного подхода дилетантским. Ибо даже если ликвидировать все социологические учреждения, общественное мнение не исчезнет со всем своим величием и предрассудками, как не исчезнет и потребность знать, учитывать и влиять на него. Вот почему общая нигилистическая направленность высказываний П. Бурдьё, А. Зиновьева и других авторов является неконструктивной. Обращаясь к истории, можно вспомнить восторженные оценки Л. Г. Моргана, а за ним и Ф. Энгельса о том, что в первобытном обществе все регулировалось волей рода, воплощенной в общественном мнении и закрепляемой в традициях и обычаях. В Древней Греции общественное мнение, часто сумбурное и противоречивое, играло выдающуюся роль. В Древнем Риме перед мнением публики заискивали императоры, в средние века первой в мире «вечевой» республикой стал Великий Новгород. Трудно согласиться с А. Зиновьевым в том, что высказывания людей о Хрущеве или Брежневле «не превращались в общественное мнение»⁴⁵. Сегодня ясно, что такие мнения, широко распространявшиеся в форме анекдотов, оказали определенное влияние на состояние общественного сознания. Общественное мнение уже выходило из плена ложного сознания, вульгарных интерпретаций действительности и приобретало черты субстанциальности.

Неправомерно смешивать формы представления общественного мнения с его сущностью. «Нет ничего более неадекватного, – считает П. Бурдьё, – чем выражать состояние общественного мнения через процентное соотношение»⁴⁶. На наш взгляд, процентное выражение столь же понятно, как и любое другое (абсолютные числа, графики, описания). Ошибки и злоупотребления возникают тогда, когда из всего массива данных выбирают лишь те проценты, которые подтверждают определенную позицию. Приведенный в книге пример доказывает это.

⁴³ Там же. С. 353.

⁴⁴ Гегель Г. Ф. Философия права. С. 354.

⁴⁵ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 1993. С. 185.

⁴⁶ Бурдьё П. Социология политики. С. 164.

На вопрос «Одобряете ли Вы правительство Пампиду?» 20 % французов ответили «да», 50 % – «нет», 30 % – «нет ответа». «Но можно, – считает П. Бурдьё, – пересчитать процент «одобряющих» и «неодобряющих», исключив «неответивших». Этот простой выбор становится теоретическим приемом фантастической значимости»⁴⁷. Но если все-таки пересчитать, чего автор не сделал, то выяснится, что одобряющих стало 28,6 %, а неодобряющих – 71,4 % от числа ответивших, т. е. без учета тех, кто не ответил на вопрос. Как видим, разница между силами «за» и «против» отнюдь не уменьшилась, наоборот, возросла на 12,8 процентных пункта (было 30 %, стало 42,8 %). Стоит ли говорить, что социолог не прибегнет к такому «фантастическому приему», и уж тем более не возведет его в ранг «теоретических». Из признания методических проблем, возможных ошибок в формулировках вопросов, некорректно го представления результатов никак не следует вывод о том, что общественного мнения не существует. Оно реально настолько, насколько реально общественное сознание в его массовых формах проявления.

⁴⁷ Бурдьё П. Социология политики. С. 164.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.